ОИК

Лавриковичъ

Итоги рос-
конституціи

Спб 1907

ОИК
1905
Кн. чист.
стр. все Шм

Книгоиздательство „Свобода и Право“

Ю. ЛАВРИНОВИЧЪ

ИТОГИ РОССІЙСКОЙ КОНСТИТУЦІИ

Цѣна 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва „Трудъ“ Фонтанка, 86
1907

1905
Недор

Кн. чист. стр. все.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1068532

Итоги россійской конституціи.

I.

Едва ли былъ въ исторіи Россіи болѣе знаменательный день, чѣмъ день 17 октября. Въ этотъ день Россія была поставлена на новый историческій путь, долженствовавшій привести ее къ торжеству права и справедливости, пріобщить ее къ новой культурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь царскій манифестъ 17 октября торжественно возлагалъ на обязанность правительства „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ“ и „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы“. Какъ бы для гарантіи дѣйствительнаго проведенія въ жизнь этихъ конституціонныхъ началъ, государь повелѣлъ „принять къ руководству“ изложенные во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Витте руководящіе принципы, осуществленіе которыхъ могло навсегда избавить Россію отъ того безбрежнаго моря зла, въ которомъ ее всегда топила бюрократія. Перечисленные въ самомъ докладѣ Витте, эти принципы

приглашали правительство: 1) къ прямотѣ и искренности въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и къ установленію ея гарантій; 2) къ устраненію исключительныхъ законоположеній; 3) къ согласованію дѣйствій всѣхъ органовъ правительства; 4) къ устраненію репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству и 5) къ борьбѣ съ дѣйствіями, явно угрожающими обществу, опираясь на законъ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества.

Хотя общество, извѣрившееся въ обѣщанія правительства, привыкло скептически относиться къ заявленіямъ его о „благѣ народномъ“, но заявленія манифеста и доклада Витте сдѣланы были въ такой ясной, недвусмысленной формѣ, что казалось, поворота назадъ быть не можетъ, и отъ самого общества зависитъ скорѣйшее воплощеніе въ жизнь провозглашенныхъ принциповъ. „Вольности народа, его право на участіе въ законодательствѣ и контроль надъ управленіемъ признаны, правда, пока только на словахъ. Но есть слова, которыя стоятъ дѣла, и мы имѣемъ всѣ основанія считать день 17 октября днемъ большой побѣды, днемъ большого торжества“—писала 22 октября самая боевая газета того времени—„Сынъ Отечества“. Другая радикальная газета „Наша Жизнь“ высказывалась съ еще большимъ оптимизмомъ: „Утверждать, что заявленныя свободы могутъ оказаться мертвою буквой—значило бы признать, что новый политическій строй Россіи кѣмъ-то подаренъ, а не завоеванъ кровью“. „Мы не боимся за прочность великаго завоеванія, достигнутаго въ день 17 октября“—заявляла эта же газета въ другой статьѣ. „То, что добыто такою цѣною, не можетъ быть отнято—и никто не въ силѣ отнять у насъ плоды нашей побѣды“.

Еще увѣреннѣе звучали голоса ораторовъ на грандіозныхъ митингахъ, происходившихъ на слѣдующій день во всѣхъ концахъ Петербурга. Хотя преобладающимъ мотивомъ рѣчей большинства ораторовъ было недовѣріе правительству и совѣтъ остерегаться „даровъ Данайцевъ“, но ни съ одной трибуны не раздалось голоса, сомнѣвающагося въ великомъ значеніи данныхъ правительствомъ обѣщаній. И подъ гулъ многоголовой, несмѣтной толпы, подъ сѣнью развѣвавшихся красныхъ знаменъ вездѣ и всюду принимались единогласныя рѣшенія требовать гарантій исполненія обѣщаній манифеста и немедленнаго осуществленія всѣхъ видовъ гражданской свободы—вплоть до созыва Учредительнаго Собранія. День 18 октября, когда вся Россія торжествовала побѣду надъ бюрократіей, не скоро изгладится изъ памяти современниковъ—столько энтузіазма и высокой радости внесъ онъ въ сердце каждаго русскаго гражданина, но еслибы въ этотъ день нашелся скептикъ, который вздумалъ бы хоть приблизительно предсказать, во что обратится завоеванная такою дорогою цѣною свобода—онъ былъ бы безпощадно осмѣянъ ликующею толпою.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе года, и то, что казалось тогда безумной фантазіей, представляетъ теперь самую реальную дѣйствительность: русская бюрократія оказалась величайшею изъ бюрократій всего міра; она не только обманула все русское общество, не исполнивъ ни одного изъ данныхъ въ манифестѣ обѣщаній, но нашла въ себѣ историческую смѣлость утверждать въ знаменитомъ сообщеніи министерства П. А. Столыпина, что она стремится „идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядокъ, зиждущійся на законности и разумно понятой истинной свободѣ“. Замѣчательно при этомъ, что обманъ этотъ явился не какъ результатъ послѣдующихъ событій, которыя

могли дать поводъ утверждать, что иначе бюрократія поступить не могла, а тотчасъ же вслѣдъ за опубликованіемъ манифеста, какъ будто и самый манифестъ и послѣдовавшіе за нимъ акты бюрократической политики составляли части одной строго продуманной системы, осуществлявшейся шагъ за шагомъ съ правильной послѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ, если прослѣдить за главнѣйшими событіями, ознаменовавшими истекшій годъ, то иного представленія и не можетъ получиться у всякаго, внимательно слѣдившаго за происходящею борьбой.

Было бы немыслимо хотя въ общихъ и самыхъ краткихъ чертахъ привести здѣсь перечень всѣхъ событій, омрачившихъ первый годъ русской конституціи—для этого понадобилось бы написать цѣлые томы. Но если остановиться на самыхъ выпуклыхъ явленіяхъ истекшаго года, то и тогда картина будетъ слишкомъ внушительна и вполнѣ характерна для для нашего правительства. Остановимся хотя бы на явленіяхъ, имѣющихъ непосредственную связь съ обѣщаніями манифеста и съ „руководящими принципами“ знаменитаго всеподданнѣйшаго доклада графа Витте.

* *
*

Неприкосновенность личности обѣщана была въ манифестѣ на первомъ планѣ, такъ какъ Россія слишкомъ сильно страдала отъ излишней прикосновенности. Бюрократія на слѣдующій же день показала, какъ она намѣрена осуществить это обѣщаніе. Весь міръ содрогнулся отъ ужасовъ контръреволюціи, организованной почти во всѣхъ уголкахъ Россіи вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста. Потоки пролитой человѣческой крови въ Одессѣ, Твери, Томскѣ, Ростовѣ-на-Дону, Архангельскѣ и многихъ многихъ другихъ городахъ вынесли на

своей поверхности имена такихъ администраторовъ, какъ одесскій градоначальникъ Нейдгардъ, губернаторы: Слѣпцовъ, Курловъ и Азанчевскій-Азанчеевъ, генералъ Рененкампфъ, архангельскій вицегубернаторъ Хрипуновъ, кіевскій полиціймейстеръ Цихоцкій, минскій—Норовъ и множество другихъ, имена которыхъ такъ тѣсно связаны съ русской конституціей. Все это—администраторы, уличенные если не въ прямой, личной организаціи погромовъ, то въ поощреніи ихъ и явномъ попустительствѣ. Правительство до сихъ поръ не заявило своей несолидарности съ этими своими агентами и ни одного изъ нихъ не только не предало суду, но нѣкоторымъ выказало явное поощреніе, переведя, напримѣръ, на службу въ столичную полицію такихъ уличенныхъ погромщиковъ, какъ Цихоцкій, Норовъ, бѣлостокскій приставъ Шереметевъ; а между тѣмъ, оно безпощадно судило и убивало тѣхъ несчастныхъ людей, которые оборонялись отъ злодѣевъ, пытавшихся съ молчаливаго согласія властей отнять ихъ жизнь и имущество. Если бы у кого-нибудь хоть на минуту явилась мысль о томъ, что правительство не въ силахъ было предотвратить разыгравшуюся всероссійскую трагедію, такъ какъ она разразилась совершенно неожиданно для него, то государство, какъ кичливо называетъ въ своемъ сообщеніи г. Столыпинъ нынѣшнее правительство, приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы такая мысль не засиживалась въ головахъ обывателей: широта, съ которою смотрѣло правительство на неприкосновенность личности, не покидала его въ теченіе всего истекшаго года, который ознаменовался новымъ рядомъ правильно организованныхъ погромовъ; въ цѣпи ихъ Бѣлостокъ и Сѣдлецъ составляютъ наиболѣе крупныя звенья, причемъ Бѣлостокъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что былъ разгромленъ въ самый разгаръ дѣйствія конституціи, когда засѣ-

дала Дума, которой правительство старалось доказать свою лойяльность.

Но оставимъ погромы, свое участіе въ которыхъ правительство продолжаетъ отрицать, несмотря на разоблаченія князя Урусова и знаменитое нынѣ письмо бывшаго директора департамента полиціи г. Лопухина. Обратимся къ непосредственной дѣятельности самого правительства и его агентовъ по проведенію и укрѣпленію идеи неприкосновенности личности. Въ этомъ отношеніи, дѣятельность правительства въ теченіе всего истекшаго года носила совершенно опредѣленный и вполнѣ выдержанный характеръ, несмотря на частую смѣну министровъ. Разстрѣлы мирной толпы, безсудныя казни, карательныя экспедиціи, массовые аресты и обыски—вотъ программа, по которой осуществлялось обѣщаніе гарантій неприкосновенности. Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ печатался манифестъ 17 октября, правительство на слѣдующій же день разстрѣливало мирную толпу гражданъ, собравшуюся у зданія технологическаго института. Это избіеніе послужило какъ бы сигналомъ для неистовства полиціи и войскъ всюду, гдѣ только собирались граждане, повѣрившіе обѣщаніямъ манифеста. Населеніе было ошеломлено этимъ дикимъ попраніемъ только что обѣщанной свободы, но правительство скоро заставило его забыть объ этомъ „пустякѣ“ такими актами, при воспоминаніи о которыхъ до сихъ поръ подымаются волосы на головѣ и кровь стынетъ въ жилахъ. Мы говоримъ о карательныхъ экспедиціяхъ, которыми наказывалось населеніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходило революціонное движеніе. Весь міръ былъ пораженъ тѣми жестокостями и гнусностями, которыя подъ видомъ усмиренія позволяли себѣ совершенно безнаказанно творить карательные отряды. Они убивали безъ суда не только революціонеровъ, но всѣхъ, на кого падало малѣйшее

подозрѣніе въ участіи въ революціи, какъ бы неосновательно это подозрѣніе ни было. У всѣхъ, несомнѣнно, надолго останется въ памяти звѣрское истребленіе множества невинныхъ людей, произведенное отрядами полковниковъ Римана и Мина послѣ московскаго возстанія на станціяхъ Перово, Люберцы, Ашитково и Голутвино, и множества другихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ Прибалтійскомъ краѣ. До какой степени дешево цѣнили человѣческую жизнь эти „усмирители“, показываетъ убійство ими въ Москвѣ студента Григорьева, совершенная непричастность котораго къ возстанію и вообще къ революціи была вполнѣ доказана. Онъ былъ отпущенъ домой, и въ то время, когда удалялся отъ мѣста расположенія отряда семеновцевъ, послѣдніе уложили его ружейнымъ залпомъ въ спину и прикончили ударомъ штыка; на ст. Ашитково былъ убитъ тѣми же семеновцами такой же невинный студентъ Сапожковъ только потому, что онъ былъ братомъ разыскиваемаго революціонера. Эти звѣрства были созданы знаменитымъ приказомъ по полку ген. Мина, требовавшаго „дѣйствовать безпощадно, арестованныхъ не имѣть“ (читай: убивать всѣхъ безъ разбора). А сколько невинныхъ жертвъ пало отъ руки солдатъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ были карательные отряды! Въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ во главѣ карательныхъ отрядовъ поставлены были офицеры изъ мѣстныхъ бароновъ (противъ которыхъ и направлено было революціонное движеніе въ этомъ краѣ), латыши и эсты убивались цѣлыми десятками въ каждомъ селеніи; убивались не только участники возстанія, но невинные братья и отцы ихъ, если сами виновники не могли быть разысканы, убивались люди, не могшіе, или не хотѣвшіе указать мѣстонахожденіе революціонеровъ, убивались мирные поселяне, неодобрительно отзывавшіеся о злодѣйствахъ усмирителей; для того,

чтобы быть разстрѣляннымъ, достаточно было быть занесеннымъ въ проскрипціонный списокъ, составленный первымъ встрѣчнымъ, или обнаружить желаніе скрыться при появленіи войскъ. Но этими невиданными жестокостями и злодѣйствами неудовольствовались конституціонные каратели. Согласно поговоркѣ: „аппетитъ приходитъ во время ѣды“, они изобрѣтали все лучшіе и болѣе скорые способы истребленія невинныхъ гражданъ. Такъ, Фокенгофскимъ волостнымъ правленіемъ, по словамъ „Рус. Вѣд.“, получено было предостереженіе, что въ случаѣ, если въ имѣніи будетъ произведено что либо преступное, всѣ крестьянскія усадьбы на разстояніи 10 верстъ отъ имѣнія будутъ сожжены; въ Гофцумбергское волостное правленіе сообщено, что если на кого либо въ имѣніи будетъ произведено нападеніе или имѣніе будетъ подожжено, то въ волости будетъ разстрѣлянъ каждый пятый человѣкъ. Въ Дростенгофскомъ приходѣ еще совсѣмъ недавно — 6 августа — были разстрѣляны отецъ и сынъ Шульмейстеры и мѣстный учитель Широнъ только потому, что начальникъ карательной экспедиціи не могъ разыскать истиннаго убійцу урядника Рейнвальда. Разстрѣливая этихъ невинныхъ людей, начальникъ отряда объявилъ, что если будетъ убитъ еще одинъ урядникъ въ приходѣ, то латышей погибнетъ 9 человѣкъ, въ случаѣ убійства третьяго — 27 и т. д., пока отъ бунтовщиковъ не останется и слѣда. А что творилось на Кавказѣ! Вмѣсто перечисленія безконечныхъ ужасовъ, творившихся тамъ войсками Алиханова, Тимофеева и другихъ „усмирителей“, напомнимъ о письмѣ прис. пов. М. Болквадзе, напечатанномъ въ „Руси“, которая была закрыта за опубликованіе этого документа; въ своемъ письмѣ, г. Болквадзе съ документами въ рукахъ разсказываетъ о томъ, какъ отряды усмирителей грабили и жгли Грузію, убивали грузинъ и насиловали

грузинскихъ женщинъ. Назначенные правительствомъ генералы чувствовали себя полными хозяевами надъ жизнью, честью и имуществомъ населенія всего края. Лучшей характеристикой самовластія ихъ можетъ служить слѣдующій приказъ, опубликованный въ „Кавказѣ“ генералъ-губернаторомъ Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ генераломъ Бауеромъ:

„Еще разъ предлагаю населенію Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ немедленно приступить къ мирному труду и точному соблюденію закона въ полномъ объемѣ. Объявляю, что впредь никакихъ репрессивныхъ мѣръ назначать не стану, но буду предъявлять опредѣленныя требованія и налагать взысканія, уклоненіе или неисполненіе которыхъ повлечетъ за собою разрушеніе и уничтоженіе виновныхъ селеній, безъ всякаго разбора правыхъ и виновныхъ лицъ въ отдѣльности. Во избѣжаніе превратнаго толкованія сего приказа и напраснаго разоренія жителей, а равно излишняго кровопролитія, поясняю населенію этотъ приказъ нѣсколькими примѣрами: въ селеніе, въ которомъ послѣ объявленія сего приказа окажется невыданнымъ добровольно хотя бы одно ружье, револьверъ, кинжалъ и прочее оружіе, хотя бы одинъ преступникъ, хотя бы одинъ неявившійся новобранецъ, хотя бы одна неисполненная повинность, хотя бы одна непризнанная закономъ власть и. т. п., въ такое селеніе мною будутъ присланы войска, но не для экзекуціи, отобранія оружія и пр., а съ единственной цѣлью разрушить до основанія все селеніе. Предупреждаю, что каждую букву, мною въ этомъ приказѣ подписанную, приведу въ исполненіе безъ всякихъ отступленій, и потому надѣюсь, что благоразумная часть населенія приложитъ всѣ силы къ тому, чтобы избавить страну отъ окончательнаго разоренія и большого кровопролитія“.

Этого генерала перещеголялъ командующій войсками Одесскаго округа генералъ Каульбарсъ, издавшій приказъ, въ которомъ онъ угрожаетъ *административно предавать смертной казни* всѣхъ лицъ, виновныхъ въ храненіи у себя взрывчатыхъ веществъ или въ террористическихъ покушеніяхъ. Генералъ-губернаторъ Кѣлецкой губерніи г. Бобылевъ пошелъ еще дальше, пригрозивъ растрѣлять все населеніе, если оно въ три дня не сдастъ оружія.

Курляндскій генералъ-губернаторъ напечаталъ въ „Курл. губ. вѣд.“, что „при первомъ случаѣ грабежа, насилія, убійства и. т. п., въ волостяхъ будутъ немедленно взяты подъ стражу всѣ лица, которыя уже раньше привлекались къ дознаніямъ, а также всѣ, извѣстныя полиціи своею неблагонадежностью“...

Въ Старой Побалдѣ (Прибалт. край) изданъ, по словамъ газеты „Лятвія“, еще болѣе дикій приказъ, обязывающій корчмарей открыть всѣ корчмы: „если какая либо изъ корчемъ будетъ закрыта силою, то будутъ разстрѣляны всѣ живущіе на разстояніи 3-хъ верстъ отъ корчмы“— грозитъ авторъ этого приказа. Кременчугскій ген.-губернаторъ угрожалъ разстрѣливать безъ суда виновныхъ въ смѣщеніи старосты или писаря безъ разрѣшенія земскаго начальника („Русь“ 22 янв.). Начальникъ закавказскихъ дорогъ полковникъ Нейгебауеръ приказалъ предавать военно-полевому суду зачинщиковъ предъявленія скопомъ какихъ либо требованій со стороны служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ („Н. Ж. 26 янв.). Екатеринославскій ген.-губернаторъ, въ качествѣ мѣры борьбы съ забастовками сельскохозяйственныхъ рабочихъ, грозилъ обстрѣливать села, жители которыхъ прекратили работу въ барской экономіи, артилерійскимъ огнемъ („Русь“, 17 янв.), а ген.-губернаторъ Прибалтійскаго края грозилъ разстрѣломъ всѣмъ,

кто виновенъ въ укрывательствѣ агитаторовъ. („Молва“ 15 янв.)

Всѣ эти угрозы блѣднѣютъ предъ совершенно реальными актами, направленными въ сторону массоваго душегубства. Въ этомъ отношеніи достаточно ознакомиться съ двумя-тремя случаями для того, что бы утвердиться въ убѣжденіи, что высшая администрація комплектовалась не изъ лицъ, принадлежащихъ къ культурному обществу, а изъ дикихъ племенъ, сохранившихъ культъ людоѣдства. Вотъ, напр., командующій войсками виленскаго военнаго округа ген. Крживицкій, приказавшій, что бы „каждый войсковой начальникъ дѣйствовалъ, не боясь отвѣтственности“ („Русь“ 18 янв.); полковникъ Яблонскій (на ст. Сарны), приказавшій „не стѣсняться послѣдствіями“ при примѣненіи пули и штыка: „перваго открывшаго ротъ для возраженія—убить на мѣстѣ“—поясняетъ этотъ господинъ въ полковничьемъ мундирѣ („Н. Ж.“ 30 дек.); вотъ главное жандармское управленіе, распорядившееся „агитаторовъ и подстрекателей къ забастовкамъ предавать военно-полевому суду“.

Несмотря на трагизмъ положенія, создаваемаго этимъ своеобразнымъ „законодательствомъ“ губернскихъ, уѣздныхъ и чуть ли ни волостныхъ генералъ-губернаторовъ, нѣкоторые изъ ихъ приказовъ нельзя читать безъ улыбки—такъ смѣхотворна претензія этихъ рыцарей произвола и насилія наложить запретъ на малѣйшее движеніе обывателя. Такъ, въ Екатеринославѣ запрещено „молодежи останавливаться на бульварахъ“, въ Севастополѣ воспрещены сборища не только на улицахъ, площадяхъ и т. п., но на балконахъ и крышахъ—„съ какою бы то ни было цѣлью“; въ Елисаветградѣ обывателямъ запрещено ночью „безъ крайней надобности быть на улицахъ“; въ Озургетахъ (Гурія) приказано населенію цѣлаго уѣзда, „при встрѣчахъ съ гг. генералами, штабъ и оберъ-офицерами, чи-

новниками всѣхъ вѣдомствъ, лицами духовнаго вѣдомства, снять шапку и сдѣлать почтительный поклонъ. Не исполнившіе этого будутъ наказаны".

За нарушеніе всѣхъ этихъ приказовъ, напоминающихъ собою бредъ Поприщина, обѣщано 3 мѣсячное тюремное заключеніе или штрафъ въ 3000 руб. Любопытно, что отмѣченныя нами безуміе и жестокость, отличающія это своеобразное „мѣстное законодательство" безчисленныхъ царьковъ, прогрессируютъ почти съ правильной постепенностью, внося тѣмъ большіе беззаконіе и произволъ, чѣмъ громче министерство г. Столыпина заявляло о своей готовности не допустить нарушенія закона. Характернѣйшій образчикъ такой эволюціи представляетъ приказъ Екатеринославскаго ген.-губернатора г. Давыдова, опубликованный имъ 26 декабря 1906 г. Въ виду исключительной своеобразности этого документа приводимъ его цѣликомъ:

„За послѣднее время въ предѣлахъ ввѣреннаго мнѣ генералъ-губернаторства имѣли мѣсто случаи взрыва бомбъ при обращеніи съ ними должностныхъ лицъ, причемъ послѣднія дѣлались при этомъ жертвами своего служебнаго долга.

Въ предотвращеніе подобныхъ печальныхъ явленій и въ огражденіе должностныхъ лицъ и населенія отъ злодѣйскихъ покушеній, объявляю:

1) Въ случаѣ обнаруженія бомбъ или другихъ взрывчатыхъ веществъ въ жилыхъ домахъ или прилегающихъ къ нимъ постройкахъ, владѣльцы сихъ помѣщеній, а также и хозяева квартиръ, въ коихъ окажутся означенные предметы, будутъ предаваться мною военному суду для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени, на основаніи п. 7 ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи.

2) Въ томъ случаѣ, когда будетъ неопровержимо доказано, что домовладѣлецъ или управляю-

щій домомъ, но не хозяинъ квартиры, гдѣ обнаружены бомбы или взрывчатыя вещества, дѣйствительно, не могъ знать о присутствіи бомбъ у него въ домѣ или нежилой постройкѣ, онъ будетъ, тѣмъ не менѣе, подвергнутъ мною административному взысканію до 3000 рублей штрафа и до 3 мѣсяцевъ тюрьмы, какъ за недостаточность наблюденія за своими квартирантами и принадлежащимъ ему имуществомъ.

3) И только въ томъ случаѣ, если, обнаруживъ въ своемъ домѣ или квартирѣ бомбу, домовладѣлецъ или управляющій домомъ и квартирохозяинъ тотчасъ же самъ заявитъ о томъ полиціи, тогда только онъ можетъ не быть подвергнутъ административному взысканію.

4) При обнаруженіи бомбъ и другихъ взрывчатыхъ веществъ, чины полиціи, не трогая ихъ, выставляютъ караулъ и даютъ знать судебному слѣдователю, который вызываетъ эксперта—артиллерійскаго офицера.

По составленіи надлежащаго протокола, бомбы и взрывчатыя вещества уничтожаются тутъ же, на мѣстѣ нахожденія, хотя бы это было и жилое помѣщеніе, при этомъ, предварительно взрыва, полиціею принимаются мѣры къ удаленію отъ этого мѣста населенія.

5) При обнаруженіи взрывчатыхъ веществъ и бомбъ внѣ г. Екатеринослава, гдѣ нѣтъ артиллерійскихъ офицеровъ, исправники по телеграфу доносятъ мнѣ, и мною будетъ немедленно командированъ туда артиллерійскій офицеръ.

6) При разсмотрѣніи каждаго случая (въ отдѣльности) обнаруженія взрывчатыхъ веществъ и бомбъ, я буду рѣшать вопросъ о примѣненіи п. 18 ст. 19 указан. правилъ, т. е. объ отобраніи домовъ и построекъ въ казну, независимо отъ объявленныхъ въ предыдущихъ пунктахъ репрессій“ *).

*) „Приднѣпр. Край“, 29 дек. 1906 г., № 2980.

А кому неизвѣстно, что творили въ Сибири генералы Ренненкампфъ, Меллеръ-Закомельскій и командующій сибирскимъ военнымъ округомъ Сухотинъ. Достаточно вспомнить приказъ послѣдняго изъ нихъ: „Необходимо раздавить крамолу дѣйствіемъ оружія такъ, чтобы не оставалось пищи ни для военныхъ, ни для гражданскихъ судовъ; или приказъ Ренненкампфа, объявившаго, что „въ случаяхъ покушенія на жизнь лицъ, его сопровождавшихъ, а также жандармскихъ чиновъ и чиновъ желѣзно-дорожной охраны, всѣ арестованные и сданные въ тюрьму, какъ заложники, черезъ часъ послѣ покушенія будутъ подвергаться смертной казни. Въ Царствѣ Польскомъ отличался ген. Скалонъ съ цѣлою арміей подвластныхъ ему генералъ-губернаторовъ. Трудно было бы перечислить всѣхъ генераловъ, присвоившихъ себѣ не существующее право казнить безъ суда правыхъ и виноватыхъ и разорять населеніе ввѣренныхъ имъ областей: такъ дѣйствовали почти всѣ большіе и малые конституціонные сатрапы, явившіеся неожиданнымъ придаткомъ къ манифесту 17 октября. Это не было частное своеволіе поставленныхъ выше закона единичныхъ правителей; это было какое-то повальное стремленіе къ пролитію крови, къ надругательству надъ личностью, къ разоренію населенія. Во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ видна объединяющая ихъ рука, виденъ благословляющій жестъ поставившей ихъ высшей власти. Такое единодушіе генералъ-губернаторовъ и начальниковъ карательныхъ отрядовъ въ дѣлѣ истребленія мирнаго населенія объяснялось очень просто: предписанія такого рода исходили отъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, которому Россія обязана болѣе, чѣмъ кому либо другому, безконечностью россійскаго мартиролога. Кровавая иниціатива этого министра удостовѣрена слѣдующимъ документомъ, напечатаннымъ въ „Руси“ (11 февр. 1906 года):

„Въ краковской газетѣ „Naprzòd“ № 17 напечатанъ приказъ кіевскаго ген.-губернатора, ген.-адъют. Сухомлинова командиру *.* корпуса отъ 10-го января 1906 г. за № 73, въ которомъ предлагается къ неукоснительному исполненію предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, переданное ген.-губернатору слѣдующей шифрованной телеграммой отъ 5 января:

№ 929.

„Сегодня въ мѣстности Кагарлыкъ, Кіевской губерніи, въ имѣніи Черткова, арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила недостаточна. Въ виду этого настойчиво предлагаю какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ приказать немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія— сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо розъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска проникнулись вышеизложенными указаніями.

П. Дурново“.

Такъ смотрѣлъ на неприкосновенность личности этотъ человѣкъ, призванный осуществить обѣщанія манифеста 17-го октября. Вмѣстѣ съ нимъ усвоили этотъ „взглядъ“ и всѣ подвластные ему начальники, которые въ свою очередь внушили его своимъ подчиненнымъ. Такъ вся администрація, отъ министра до послѣдняго городового и солдата, не взирая на обѣщанія манифеста и даже вопреки ему, смотрѣла и смотритъ и теперь на личность обывателя, какъ на нѣчто, не только имъ подвластное, но жизнь, честь и благо которой находятся въ полной отъ нихъ зависимости. Такой взглядъ не только предписанъ властями, но тща-

тельно ими воспитывается. Яркимъ примѣромъ полной беззащитности обывателя отъ насилій, чинимыхъ надъ ними любымъ агентомъ власти, служитъ случай, произошедшій зимою этого года въ Варшавѣ. Деньщикъ одного изъ офицеровъ Гроховскаго полка рядовой Павловъ выстрѣломъ изъ револьвера убилъ лакея сосѣда своего барина поляка Дынду якобы за то, что тотъ неодобрительно отзывался о Государѣ. За это убійство Павловъ не только не былъ преданъ суду, но, по приказанію Государя былъ совершенно освобожденъ отъ всякой отвѣтственности, а командиръ полка полковникъ Бончъ-Богдановскій въ своемъ приказѣ благодарилъ Павлова „за его чѣстныя, русскія убѣжденія“, наградилъ его званіемъ ефрейтора, 20 рублями и двухмѣсячнымъ отпускомъ и предписывалъ всѣмъ чинамъ его полка брать примѣръ „съ молодца Сергѣя Павлова“*). Такіе случаи далеко не единичны и мы приводимъ здѣсь только одинъ, какъ наиболѣе типичный. У всѣхъ въ памяти недавній приказъ варшавскаго генералъ-губернатора, отданный патрулямъ и карауламъ—убивать всякаго прохожаго, подошедшаго къ часовому на разстояніе ближе 10 шаговъ, или приказы кавказскихъ и прибалтійскихъ властей стрѣлять въ нежелающихъ подчиниться обыску на улицахъ. Къ чему приводитъ воспитаніе въ малокультурной солдатской средѣ такихъ понятій о совершенно ничтожной цѣнѣ человѣческой жизни, можно видѣть не только на улицахъ всѣхъ городовъ, гдѣ введено военное положеніе, но еще хуже—въ мѣстахъ заключенія, гдѣ у заключенныхъ нѣтъ единственной возможности спастись отъ такого террора—бѣжать. Недавній случай въ петербургской пересыльной тюрьмѣ (въ августѣ мѣсяцѣ), гдѣ часовой убилъ заключенную поли-

*) „XX вѣкъ“ 27 марта 1906 г.

тическую Семенову только за то, что она спускала на веревочкѣ одному уголовному кусочекъ сахару, или въ рижскомъ центральномъ исправительномъ отдѣленіи, гдѣ въ сентябрѣ 1906 года убита была часовымъ политическая заключенная Эмма Дорстеръ, представляетъ яркую иллюстрацію своеволія солдатъ, которымъ внушена была не только полная безнаказанность, но даже доблестность такого поступка. Въ приказѣ по гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ Лечицкій такъ благодарилъ убившаго Семенову рядоваго Алексѣя Лискина: „За такое правильное пониманіе и твердое исполніе службы, объявляю рядовому Лискину мое сердечное спасибо и предписываю выдать ему десять руб. наградныхъ изъ полковыхъ хозяйственныхъ суммъ“ *). Еще возмутительнѣе убійство было совершено весною въ одесской и лѣтомъ—въ Бутырской тюрьмѣ въ Москвѣ, гдѣ солдаты убили нѣсколько заключенныхъ; о подобныхъ случаяхъ въ провинціальныхъ тюрьмахъ извѣстія приходятъ чуть ли не каждый день. Если такъ поступаютъ простые солдаты и надзиратели, то чего же ждать отъ ихъ учителей—офицеровъ и полицейскихъ чиновъ? На этотъ вопросъ, вмѣсто отвѣта, достаточно напомнить о тѣхъ нечеловѣческихъ истязаніяхъ, мукахъ, оскорбленіяхъ, которымъ была подвергнута Марія Спиридонова эсауломъ Абрамовымъ и приставомъ Ждановымъ. Но она ли одна была жертвою этого неслыханнаго палачества? Совершенно такимъ же издѣвательствамъ подверглась другая дѣвушка революціонерка, г-жа Измайловичъ, покушавшаяся на минскаго полиціймейстера Норова. На судѣ 16 февраля **) она разсказала, какъ полиція, сваливъ ее ударами на землю, стрѣляла въ нее изъ

*) „Рѣчь“, 3 окт. 1906 г.
**) „Рус. Вѣд.“, 4 марта 1906 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

револьвера, била по лицу, плевала въ физіономію, раздѣвала, якобы для обыска, тушила папиросу о лицо, топтала ногами и только доведя ее до полнаго безчувствія, бросила въ темницу; такимъ же истязаніямъ подвергся и соучастникъ ея Пулиховъ, впослѣдствіи казненный. Безконечные ужасъ и негодованіе охватываютъ при чтеніи недавно опубликованнаго въ „Рус. Вѣд.“, „Окѣ“ и „Н. Жизни“ сообщенія о гнусномъ преступленіи, совершенномъ начальникомъ льговской тюрьмы Лунякинымъ надъ 16 лѣтней политической заключенной г-жей С. Потребовавъ ее къ себѣ, этотъ негодяй изнасиловалъ дѣвушку и отправилъ ее обратно въ камеру. По этому поводу, отецъ г-жи С. и товарищи подняли тревогу, но, по общему убѣжденію обывателей Льгова, дѣло это будетъ „замято“—конечно, по хлопотамъ преступника. А сколько злодѣйствъ вродѣ описанныхъ совершается во множествѣ глухихъ провинціальныхъ тюремъ, откуда голоса мучениковъ не достигаютъ слуха терроризованнаго населенія. Но не въ однихъ тюремныхъ застѣнкахъ и не только надъ лицами, активно борющимися съ правительствомъ, учиняются подобныя надругательства надъ человѣкомъ. Мѣсяца три тому назадъ такимъ палачествомъ запятнали себя офицеры одного изъ гвардейскихъ петербургскихъ полковъ, подвергшіе сѣченію и другимъ издѣвательствамъ курсистку г-жу Семенову, которая упрекнула одного изъ нихъ сдачею Портъ-Артура. „Вооруженные до зубовъ“, воины не нашли лучшаго и болѣе рыцарскаго способа отвѣтить на „оскорбленіе“, какъ подвергнуть беззащитную, слабую дѣвушку истязаніямъ. Не выше по качеству и пріемъ, который съ недавнихъ поръ стало практиковать офицерство, якобы въ борьбѣ съ террористами. Нѣсколько недѣль тому назадъ офицеры брестскаго полка опубликовали прокламацію, въ которой объявили, что за покушеніе на ихъ ко-

мандира ген. Думбадзе или какого либо изъ офицеровъ полка отвѣтятъ всѣ лица, извѣстныя своимъ прогрессивнымъ направленіемъ и занесенныя въ особый проскрипціонный списокъ. Такое же объявленіе выпущено нѣсколько ранѣе офицерами бакинскаго гарнизона, заявившими, что въ случаѣ террористическаго акта они „будутъ считаться со всѣми элементами населенія, прямо или косвенно относящимися къ нимъ враждебно".

Если такъ низко цѣнятъ правительство и его агенты жизнь отданнаго имъ на расправу населенія, то съ еще большимъ пренебреженіемъ они относятся къ его свободѣ. Никто изъ самыхъ мирныхъ людей никогда не гарантированъ отъ того, что въ одинъ прекрасный день онъ не будетъ лишенъ свободы и ввергнутъ въ жилище, изъ котораго въ лучшемъ случаѣ онъ будетъ или выпущенъ съ разстроеннымъ здоровьемъ или отправленъ по этапу въ ссылку, а въ худшемъ случаѣ будетъ предварительно избитъ и испытаетъ всѣ ужасы борьбы съ тюремнымъ начальствомъ вплоть до голодовки. Весь ужасъ обысковъ и арестовъ заключается, конечно, не въ самыхъ этихъ фактахъ, а въ томъ, что они совершаются съ попраніемъ самыхъ элементарныхъ правъ человѣческой личности и безъ малѣйшаго намека на стремленіе властей выполнить обѣщаніе манифеста 17 окт. о неприкосновенности ея. До 17 октября обыски и аресты производились только въ домахъ и почти всегда по письменному предписанію жандармскихъ властей; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ арестовывали на улицахъ, и то послѣ тщательной слѣжки, не оставлявшей никакого сомнѣнія въ тожествѣ арестуемаго съ разыскивающимся лицомъ. Теперь, послѣ конституціонныхъ обѣщаній, обыскиваютъ не только намѣченныхъ лицъ, но цѣлые раіоны, не только въ домахъ, но и на улицахъ, предоставляя право обыска солдатамъ, казакамъ и го-

родовымъ, которые не рѣдко пользуются этимъ правомъ для грабежей и разнаго рода насилій. О томъ, какъ широко практикуются властями въ настоящее время аресты, свидѣтельствуетъ постоянная переполненность тюремъ и ассигнованія на постройку новыхъ тюремъ. Хватаютъ правыхъ и виноватыхъ, по-одиночкѣ и цѣлыми десятками, на улицѣ, на собраніяхъ и въ квартирахъ. Поощряемая безнаказанностью, а можетъ быть, и особыми инструкціями, полиція и стража за послѣднее время почти всегда подвергаютъ арестуемыхъ безпощадному избіенію, особенно, если арестъ происходитъ массовый и внѣ дома. Точной цифры арестованныхъ почти никогда не было извѣстно, такъ какъ власти скрываютъ результаты своего усердія. Но всѣмъ извѣстно, что число заключенныхъ по политическимъ дѣламъ за время съ 17 октября никогда не опредѣлялось менѣе, чѣмъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ; въ мартѣ, по свѣдѣніямъ „Рус. Вѣд.“, оно достигло 18,000; въ настоящее время, послѣ объявленнаго министерствомъ П. А. Столыпина намѣренія подавить революцію, это число, несомнѣнно, гораздо значительнѣе.

Если это усердіе властей въ борьбѣ съ крамолой ужасаетъ количественной стороной, то, „качество“ ея способно нагнать паническій страхъ на самаго бывалаго человѣка. Мы уже говорили выше о томъ, какъ расправляются въ тюрьмахъ съ попавшими въ руки тюремщиковъ революціонерами. Кромѣ такихъ расправъ, составляющихъ прерогативу полиціи и тюремныхъ надзирателей и смотрителей, существуетъ еще настоящая пытка, которой не разъ подвергали политическихъ заключенныхъ въ тюремныхъ застѣнкахъ съ цѣлью вынудить у нихъ сознаніе и выдачу сообщниковъ вмѣняемаго имъ преступленія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ всѣ газеты обошло сообщеніе о

начальникѣ варшавскаго сыскного отдѣленія, бывшемъ уголовномъ преступникѣ Гринѣ, который собственноручно истязалъ рабочихъ, арестованныхъ по политическому дѣлу*). Обвиняемый по дѣлу объ убійствѣ инженера путиловскаго завода Назарова рабочій Котловъ, послѣ того уже, какъ былъ приговоренъ къ смерти, опубликовалъ въ газетахъ письмо, въ которомъ онъ разсказывалъ, какъ его пытали во время предварительнаго слѣдствія, подвергая побоямъ, вызывая у него искусственно жажду и не давая воды, лишая его сна и т. п. Подъ вліяніемъ этихъ мученій, Котловъ оговорилъ въ соучастіи въ убійствѣ съ нимъ невинныхъ людей, въ чемъ и каялся публично въ названномъ письмѣ. Такимъ же пыткамъ были подвергнуты и лица, обвинявшіяся въ убійствѣ инженера Рухлова, и съ такими же результатами: и тамъ, подъ вліяніемъ пытокъ, обвиняемые оговорили невинныхъ. Совершенно такіе же пріемы употреблены были тюремными палачами во время слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ рабочими въ Колпинѣ слѣдившаго за ними сыщика; въ результатѣ—опять оговоры, и четыре юноши (Яковлевъ, Ризлеръ, Кайскій и Рута) были отправлены въ каторгу.

Всѣ эти ужасы блѣднѣютъ предъ тѣмъ, что творится въ рижскихъ застѣнкахъ. Объ этомъ разсказалъ одинъ изъ ораторовъ на митингѣ избирателей въ народномъ домѣ Нобеля, г. Деснянцъ. Одного изъ товарищей г. Деснянца, юношу 22 лѣтъ, подвергли отчаяннымъ истязаніямъ, требуя отъ него показаній; онъ молчалъ. Тогда его принялись кормить селедкою. Его кормили въ теченіе 2½ недѣль только селедками и не давали пить. Онъ умиралъ отъ жажды, но молчалъ. Ему прижигали пятки каленымъ желѣзомъ. Онъ молчалъ. Ему вы-

*) 19 янв. 1907 г. въ газетахъ напечатана телеграмма объ убійствѣ Грина.

рывали волосы, выбивали зубы. Онъ молчалъ. Ему сдавливали половые органы. Онъ молчалъ. Какимъ-то спеціальнымъ приспособленіемъ ему скручивали позвоночный столбъ. Этому юношѣ, лежащему теперь въ больницѣ, на видъ около 60 лѣтъ... *).

Но не пора ли прервать этотъ мартирологъ, который, вѣдь, можно продолжать до безконечности и все-таки не исчерпать всей массы преступленій правительства, дѣйствовавшаго подъ сѣнью конституціи. Сказаннаго здѣсь болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы видѣть, какъ объединенныя министерства Витте-Дурново, Горемыкина и Столыпина исполнили возложенную на нихъ манифестомъ обязанность „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности“... При видѣ моря проливаемой крови и тысячъ гибнущихъ жизней, хотѣлось бы думать, что это—лишь остатки стараго режима, дѣйствующаго по инерціи и не могущаго сразу остановить огромной машины репрессій и разрушенія, что это пережитки печальнаго прошлаго, и что современная трагедія—не результатъ злой воли остающейся у власти бюрократіи, а лишь неизбѣжное слѣдствіе того, что при „святости“ новыхъ законовъ остались прежніе „супостаты“—исполнители ихъ. Этимъ отговаривался и первый предсѣдатель совѣта министровъ, графъ Витте, объяснявшій многочисленнымъ депутаціямъ, что правительство не въ силахъ сразу внушить всѣмъ своимъ агентамъ, воспитаннымъ на самодержавно-полицейскомъ режимѣ, уваженіе къ принципу свободы и неприкосновенности личности. Какъ ни дико звучитъ эта отговорка главы правительства, не могущаго оградить гражданъ отъ насилій и злоупотребленій агентовъ власти, но

*) „Товарищъ“, 3 янв. 1907 г.

правдивость ея можно было бы допустить, если бы рѣчь шла объ одномъ какомъ-нибудь моментѣ эксцессовъ, вродѣ вышеописанныхъ, и если бы виновники ихъ были наказаны и отстранены. Но мы видимъ, что эта вакханалія продолжается цѣлый годъ, ни одинъ изъ виновниковъ чудовищныхъ злодѣяній не только не преданъ суду, но даже не отстраненъ отъ должности, и цѣлый рядъ министровъ, смѣнившихся за это время, уже не говоритъ о „супостатахъ"-исполнителяхъ, а лишь заявляетъ о своей рѣшимости „раздавить революцію" *).

II.

Такова „неприкосновенность личности", обѣщанная манифестомъ 17 октября. Посмотримъ, какъ было исполнено другое обѣщаніе—„свобода слова", подъ которою разумѣлась и свобода печати. Никто не былъ до 17 окт. такъ угнетенъ, какъ печать. Лучшія газеты были или закрыты или выходили подъ предварительной цензурой. Ген. Треповъ, лично цензировавшій „Сынъ Отечества", чуть ли не черезъ день конфисковывалъ номера этой многострадальной газеты. При такихъ условіяхъ, не

*) Напомнимъ при этомъ знаменитый циркуляръ министра вн. дѣлъ П. Н. Дурново отъ 30 ноября 1905 г., какъ нельзя лучше доказывающій, что центральная власть всегда не только одобряла всякія правонарушенія, но предписывала ихъ. Вотъ что предписывалъ въ этомъ циркулярѣ г. Дурново:

„1) Всѣхъ подстрекателей, зачинщиковъ и революціонныхъ агитаторовъ, которые не арестованы судебной властью —арестовать и войти безотлагательно съ представленіемъ о высылкѣ ихъ подъ надзоръ полиціи; 2) никакихъ особыхъ дознаній по сему предмету, а равно допросовъ не производить, а ограничиваться протоколомъ, въ которомъ должно указать причины арестованія и краткія свѣдѣнія, удосто-

было никакой возможности не только дать происходившимъ событіямъ надлежащее освѣщеніе, но даже не о всѣхъ фактахъ можно было сообщать. Въ такомъ положеніи застала печать всеобщая забастовка, пріостановившая и выходъ всѣхъ газетъ. Наборщики на митингахъ клялись не приступать къ работѣ, пока хоть одинъ газетный листъ будетъ выходить съ помѣткою цензуры. Они сдержали свою клятву: по окончаніи забастовки печать стала безцензурной. Манифестомъ 17 окт. обѣщана была свобода слова. Печать предвидѣла, что значатъ голыя обѣщанія, и поспѣшила сама осуществить ихъ. 22 октября, послѣ 10 дневной забастовки, газеты вышли съ анонсами о томъ, что, согласно рѣшенію союза для защиты свободы печати, онѣ выходятъ и впредь будутъ выходить безъ цензуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, названный союзъ представилъ правительству справку о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ должна быть осуществлена свобода печати въ законодательномъ порядкѣ. Союзъ требовалъ, чтобы закономъ о печати былъ установленъ явочный порядокъ для возникновенія изданій, отмѣнены залоги и всѣ виды цензуры и распространена юрисдикція суда присяжныхъ на всѣ преступленія, совершенныя путемъ печати.

вѣряющія виновность; 3) если завѣдомые агитаторы освобождены судебными властями, то оставлять ихъ подъ стражей и поступать по пункту второму; 4) въ случаѣ арестованія учителей, фельдшеровъ и другихъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, а равно иностранныхъ лицъ или пріѣзжихъ, не обращать никакого вниманія на мятежные протесты разныхъ самозванныхъ союзовъ и делегацій; 5) не обращать вниманія на угрозы собраній и митинговъ, и, въ случаѣ необходимости, самымъ рѣшительнымъ образомъ разгонять протестующихъ силою, съ употребленіемъ, согласно закону, если нужно, оружія; 6) представленія должны быть сдѣланы безотлагательно; 7) вообще, всякія колебанія при исполненіи предыдущаго не должны быть допускаемы".

Россія впервые увидѣла газеты, не осквернен-ныя цензорскими чернилами, впервые прочитала свободное слово, открыто провозгласившее свободу для всѣхъ гражданъ. Газеты стали неузнаваемы. Рабскій языкъ недомолвокъ и намековъ смѣнился грозными и пламенными филиппиками, въ кото-рыхъ правительство призывалось къ отвѣту за всѣ его преступленія. Печать властно потребовала у правительства немедленныхъ гарантій исполненія данныхъ въ манифестѣ обѣщаній, амнистіи и от-ставки всѣмъ ненавистнаго Трепова, еще за нѣ-сколько дней передъ тѣмъ угрожавшаго петер-буржцамъ не пожалѣть для нихъ патроновъ. Но не прошло и дня, какъ дана была амнистія, а черезъ нѣсколько дней Треповъ былъ убранъ изъ генера-лъ-губернаторовъ и изъ завѣдующихъ всей по-лиціей, и объ его должности упразднены. Пред-ставителямъ печати, требовавшимъ у Витте немед-ленной гарантіи въ томъ, что газеты не будутъ преслѣдоваться за безцензурный выходъ, графъ Витте заявилъ, что скоро будетъ изданъ соотвѣт-ствующій временный законъ, до изданія же его никакихъ цензурныхъ препятствій газетамъ чи-ниться не будетъ. Печать успокоилась за свою судьбу и продолжала безпощадную борьбу съ пра-вительствомъ за права народа. Возникли новыя газеты всѣхъ политическихъ партій. Соціалъ-демо-краты и соц.-революціонеры открыто издавали свои органы, закрывъ зарубежныя „Искру“, „Пролетарія“ и „Револ. Россію“. При такомъ положеніи вещей не было никакой надобности въ подпольной прессѣ и даже „Извѣстія Совѣта Рабочихъ депутатовъ“, выходившія во время стачки революціоннымъ пу-темъ, прекратили свое существованіе, такъ какъ печатныя нужды Совѣта Р. Д. вполнѣ обслужи-вала легальная пресса.

Создавшійся порядокъ, показавшій всю благо-дѣтельность для страны свободы печати, давалъ

правительству полную возможность доказать, что оно искренно желаетъ осуществленія обѣщаній манифеста. Для этого ему достаточно было признать совершившійся фактъ освобожденія печати и поспѣшить закрѣпить этотъ фактъ временнымъ закономъ. Поступило, однако, правительство совершенно иначе. Пока напоръ революціонной волны былъ настолько силенъ, что бюрократія сама незнала, долго ли она будетъ властвовать и не придется ли ей подчиниться совѣту рабочихъ депутатовъ, правительство терпѣливо переносило „невиданный развратъ“, какъ аттестовала свободу печати реакціонная пресса; если репрессіи и примѣнялись къ нѣкоторымъ газетамъ, то лишь въ случаяхъ, когда поведеніе ихъ, въ представленіи властей, „грозило государственному строю“, какъ это было, напримѣръ, съ первымъ номеромъ „Новой Жизни“, выпустившей въ видѣ приложенія программу россійской С.-Д. Р. П. Только въ провинціи цензура оставалась неотмѣненной, хотя въ большинствѣ городовъ и она утратила свою увѣренность и лишь для формы задерживала нѣкоторыя статьи, слишкомъ сильно, по ея мнѣнію, потрясавшія основы. Но вотъ въ революціонномъ движеніи произошла заминка, вторая всеобщая забастовка, объявленная вслѣдствіе введенія въ Польшѣ военнаго положенія и угрожавшей участникамъ кронштадтскаго бунта морякамъ смертной казни, не имѣла того успѣха, какимъ завершилась первая забастовка; неудачна была по результатамъ и всероссійская почтово-телеграфная забастовка. Правительство подняло голову. Перехвативъ рабочихъ депутатовъ и руководителей почтово-телеграфной забастовки, оно всѣми силами обрушилось на печать. Такъ какъ послѣ допущенной имъ „слабости“ въ отношеніи газетъ было неудобно сразу прибѣгать къ широкимъ репрессіямъ, правительство пошло на уловку, позволявшую и кон-

ституцію соблюсти и свободу печати уничтожить. Такимъ образомъ были изданы „временныя правила“ 24 ноября 1905 г. Хотя по внѣшнему виду эти правила мало чѣмъ отличались отъ законовъ о печати, существующихъ въ конституціонныхъ странахъ, особенно во Франціи—тутъ были на-лицо и явочный порядокъ возникновенія газетъ, и отмѣна цензуры и административныхъ взысканій, отмѣна залоговъ и, наконецъ, установленіе судебной отвѣтственности за преступленія, учиненныя путемъ печати—словомъ, удовлетворены были всѣ требованія, предъявленныя правительству союзомъ для защиты свободы печати. Но, кромѣ этихъ требованій, правительство осуществило и свои желанія,—и новыя правила повисли тяжелыми цѣпями на свободномъ печатномъ словѣ. Они давали полиціи право не разрѣшать неугодныхъ ей изданій, лишали газеты, подъ страхомъ тяжелой кары, права поддерживать силою печатнаго слова стачки, давали распорядительному засѣданію суда право, не дожидаясь разбирательства дѣла, пріостанавливать любую газету, словомъ, отдавали газеты на произволъ полиціи и короннаго суда, утратившаго всѣ признаки независимости и дѣйствующаго въ угоду администраціи.

Вооружившись такимъ оружіемъ, правительство начало безпощадную травлю газетъ. Не было дня, чтобы на основаніи временныхъ правилъ не конфисковалась или не пріостанавливалась какая-нибудь газета, а редакторъ или издатель ея не привлекались къ уголовной отвѣтственности. Одна за другою исчезали лучшія газеты. Но такая борьба казалась правительству слишкомъ медленной. Оно желало однимъ ударомъ уничтожить всѣ оппозиціонныя газеты. Къ этому вскорѣ представился блестящій случай: 2 декабря восемь газетъ напечатали извѣстный манифестъ, подписанный Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, главнымъ комитетомъ

всероссійскаго крестьянскаго союза, центральными комитетами партій с.-д., с.-р. и польской соц. партіи.

„Манифестъ“ представлялъ рѣзкій и безпощадный обвинительный актъ противъ правительства Витте—Дурново. Подвергая критикѣ дѣятельность этого прославленнаго кабинета, приведшаго страну къ почти совершенному разоренію, „Манифестъ“ приглашаетъ народъ „отказываться отъ взноса выкупныхъ и всѣхъ другихъ казенныхъ платежей; требовать при всѣхъ сдѣлкахъ, при выдачѣ заработной платы и жалованья — уплаты золотомъ, а при суммахъ меньше пяти рублей — полновѣсной звонкой монетой; брать вклады изъ ссудо-сберегательныхъ кассъ и изъ государственнаго банка, требуя уплаты всей суммы золотомъ; недопускать уплаты долговъ по всѣмъ тѣмъ займамъ, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всѣмъ народомъ“.

Хотя содержаніе манифеста, въ сущности, мало отличалось отъ многихъ другихъ воззваній, печатавшихся раньше отъ имени различныхъ революціонныхъ организацій всѣми газетами, тѣмъ не менѣе правительство усмотрѣло въ этомъ актѣ открытый призывъ къ бунтовщическому дѣянію и къ неповиновенію закону“ и въ тотъ же день „преступные“ номера были конфискованы, изданіе газетъ пріостановлено „до судебнаго приговора“, а издатели и редакторы ихъ арестованы и привлечены къ суду. Жертвами этой расправы явились „Сынъ Отечества“, „Новая Жизнь“, „Начало“, „Наша Жизнь“, „Свободный Народъ“, „Русь“, „Свободное Слово“ и „Русская Газета, а изъ журналовъ—„Русское Богатство“.

Все общество было возмущено этимъ избіеніемъ печати, которой еще на-дняхъ была обѣщана полная свобода. Въ этомъ актѣ была не только мстительная свирѣпость, но и совершенное беззаконіе. Петербургская группа союза адвокатовъ,

выпустившая по этому поводу полную негодованія резолюцію, характеризовала этотъ актъ насилія, какъ рѣшительное попраніе принциповъ гражданской свободы, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября. Обращаясь къ существу совершившагося факта, союзъ адвокатовъ доказываетъ, что „одно опубликованіе газетой постановленія опредѣленнаго союза, партіи или учрежденія, каково бы ни было содержаніе этого постановленія, не является преступнымъ даже съ точки зрѣнія нашихъ доконституціонныхъ уголовныхъ законовъ. И напрасно опредѣленіе судебной палаты о пріостановкѣ газетъ ссылается на 129 ст. угол. улож. Даже угодливая къ административнымъ вѣяніямъ практика сената не идетъ такъ далеко въ толкованіи этой статьи. Считая, поэтому, арестъ нумеровъ газетъ съ „Манифестомъ“ возмутительнымъ правонарушеніемъ, союзъ еще болѣе возмущается пріостановкою выхода газетъ. „Этою мѣрою,—говорится въ резолюціи, на газеты налагается самая суровая для нихъ кара еще прежде, чѣмъ состоялось о нихъ судебное разбирательство. Эта мѣра по существу—мѣра судейскаго произвола, и примѣненіе ея сейчасъ, послѣ провозглашенія свободы печати, въ такихъ размѣрахъ, какихъ не знаетъ вся исторія русской цензуры, показываетъ, чего можетъ ожидать русскій народъ отъ современныхъ судей“.

Закрытыя газеты, за исключеніемъ „Нашей Жизни“, редакторъ и издатель которой были оправданы, такъ и не увидѣли больше свѣта, а редакторы и издатели ихъ до сихъ поръ томятся въ тюрьмахъ или живутъ въ изгнаніи. Этотъ опытъ такъ понравился правительству, что конфискація газетъ, пріостановка ихъ до суда и привлеченіе къ суду редакторовъ стали практиковаться имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: за время отъ изданія „временныхъ правилъ“ до 10 марта 1906 г., т. е. за 3½ мѣсяца было пріостановлено 36 газетъ

и 18 журналовъ и возбуждено 86 уголовныхъ преслѣдованій противъ редакторовъ. Такъ сообщало „Рус. Государство“. Еще краснорѣчивѣе факты, собранные журналомъ „Былое“: въ 9 книжкахъ этого журнала за 1906 г. (февраль—октябрь) напечатано 953 газетныхъ сообщенія о разныхъ видахъ преслѣдованія печати, причемъ въ число сообщеній вошли такія, въ которыхъ говорится о преслѣдованіяхъ нѣсколькихъ, нерѣдко даже десятковъ газетъ, такъ что общій мартирологъ печати за это время насчитываетъ не менѣе 1200 жертвъ, а за все время дѣйствія „свободы печати“, несомнѣнно, еще болѣе. Достаточно вспомнить о томъ, какъ жестокими преслѣдованіями правительство уничтожило цѣлую отрасль журналистики, расцвѣтшей было въ „дни свободы“—мы говоримъ о сатирическихъ журналахъ—чтобы оцѣнить значеніе установленной имъ „свободы печати“. О реакціонности же самаго закона 24 ноября можно судить хотя бы потому, что вскорѣ по его выходѣ „Правит. Вѣстникъ“ сообщалъ о томъ, что *всѣ періодическія изданія* были привлечены къ отвѣту передъ мировымъ судьей за нарушеніе закона—даже рептильная и реакціонная пресса протестовала противъ такой „свободы“.

Такъ работала „надъ осуществленіемъ свободы слова“ центральная власть. Провинціальныя власти не только не отставали отъ центральной, но во многомъ опередили ее. Для провинціальныхъ журналистовъ, особенно, имѣвшихъ храбрость жить въ мѣстностяхъ, находящихся на исключительномъ положеніи, работа въ прессѣ оказалась сопряженною съ опасностью для жизни. Лучшею характеристикою создавшагося положенія можетъ служить судьба директора читинской гимназіи г. Окунцова, который за напечатанную въ издававшейся имъ газетѣ статью былъ приговоренъ совмѣстно съ Мірскимъ и Шинкманомъ *къ смертной казни.*

Только помилованіе ген. Гродекова избавило ихъ отъ висѣлицы, замѣненной всѣмъ троимъ безсрочною каторгой. (Изъ каторги г. Окунцову вскорѣ удалось бѣжать въ Японію). А сколько журналистовъ было сослано генералъ-губернаторами за неугодныя имъ статьи! Въ своемъ усердіи въ борьбѣ со свободою слова нѣкоторые изъ сатрапствующихъ администраторовъ доходили до такого забвенія и отрицанія всякой законности, что самовольно устанавливали обязательную предварительную цензуру (въ Астрахани) или цензуру „по добровольному соглашенію“ (Екатеринославъ), а въ Кишиневѣ, вопреки закону о печати, власти требовали представленія документальныхъ доказательствъ „на право быть редакторомъ“...

Зажавъ печать въ такія тиски, правительство однако находило, что оно предоставляетъ печати слишкомъ много свободы, и поэтому имъ былъ изданъ дополнительный законъ „объ установленіи уголовной отвѣтственности за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ“. Это новое произведеніе изобрѣтательности кабинета Витте-Дурново было направлено противъ журналистовъ, разоблачавшихъ его преступленія противъ манифеста 17 октября. Вмѣстѣ съ опубликованнымъ 26 апрѣля закономъ о неповременной печати, устанавливавшимъ почти такую же „свободу“ книгопечатанія, какую установили для журналистики временныя правила 24 ноября, и указомъ 24 декабря объ уголовномъ преслѣдованіи за восхваленіе въ печати преступленій противъ правительственной власти, этотъ законъ сдѣлалъ еще болѣе непроницаемымъ тотъ каменный мѣшокъ, въ который была посажена конституціоннымъ правительствомъ обѣщанная 17 октября „свобода слова“.

III.

Предоставляя самимъ читателямъ судить по приведеннымъ фактамъ, осуществила ли бюрократія обѣщанія манифеста обезпечить свободу слова, посмотримъ, что сдѣлано было за истекшій годъ для обезпеченія свободы собраній и союзовъ.

Въ теченіе всего 1905 г. въ странѣ происходила лихорадочная объединительная работа среди представителей почти всѣхъ профессій. Такія организаціи, какъ союзы инженеровъ, адвокатовъ, учителей, писателей, желѣзнодорожниковъ, печатниковъ, союзъ союзовъ все время играли крупную роль въ развитіи освободительнаго движенія и въ октябрьскихъ событіяхъ. Несмотря на то, что эти организаціи не были легализированы, „до-октябрьское“ правительство не вмѣшивалось въ ихъ работу, совершенно основательно полагая, что никакими мѣрами нельзя помѣшать этому движенію, развившемуся съ такою стихійною силой. Такъ было до 17 октября. Обѣщаніе манифеста обезпечить свободу союзовъ и собраній ставило вопросъ объ образованіи союзовъ на болѣе легальную почву, и профессіональное движеніе съ этого дня еще болѣе усилилось. Но и въ этомъ отношеніи „конституціонное“ правительство тотчасъ же показало, что отъ него нельзя ожидать честнаго выполненія возложенной на него манифестомъ задачи. Въ этомъ особенно сильно убѣдила всѣхъ небывалая по своей жестокости борьба его съ почтово-телеграфнымъ союзомъ. Чиновники почтъ и телеграфа всегда представляли самый обездоленный элементъ тружениковъ, болѣе всего нуждавшійся въ объединеніи для защиты своихъ интересовъ. Волна всеобщаго возбужденія захватила, конечно и ихъ, но только заручившись обѣщаніемъ манифеста,

рѣшились они организоваться въ союзъ. Труженики всей Россіи откликнулись на призывъ столичныхъ товарищей, и возникшій въ теченіе нѣсколькихъ дней союзъ обѣщалъ превратиться въ самую мощную организацію интеллигентнаго пролетаріата. Съ этимъ не могъ примириться министръ внутр. дѣлъ П. Н. Дурново, понимавшій, что безправію и угнетенію почтово-телеграфныхъ мучениковъ настанетъ конецъ, если они будутъ дружно бороться со своими угнетателями. Еще краска на манифестѣ 17 октября не успѣла высохнуть, а г. Дурново, поддержанный графомъ Витте, объявилъ, что онъ ни за что не допуститъ существованія союза. Началась ожесточенная борьба. Въ рукахъ союзниковъ было такое могучее средство, какъ забастовка, но г. Дурново былъ „до зубовъ“ вооруженъ нагайками и пулеметами. Три недѣли длилось это невиданное состязаніе, три недѣли вся Россія по капризу одного полицейскаго насильника была лишена самыхъ необходимыхъ средствъ сообщенія—почты и телеграфа. На сторонѣ борющихся тружениковъ было сочувствіе всей лучшей части Россіи, но на сторонѣ г. Дурново—физическая сила, и онъ побѣдилъ, жестоко отомстивъ своимъ противникамъ. Весь міръ былъ пораженъ дикой мстительностью, проявленною въ отношеніи къ побѣжденнымъ забастовщикамъ этимъ человѣкомъ. Россіи былъ данъ наглядный примѣръ, какъ будетъ осуществлено обѣщаніе свободы союзовъ.

Такая же судьба вскорѣ постигла и союзъ учителей, и союзъ чиновниковъ, и союзъ инженеровъ. Хотя борьба съ ними правительства велась не такъ ожесточенно, но тѣмъ не менѣе, многіе изъ членовъ этихъ союзовъ были уволены со службы, чѣмъ правительство разсчитывало терроризировать остальныхъ союзниковъ; особенно сильно пострадали учителя, что и понятно, такъ какъ вѣдомство

народнаго просвѣщенія всегда имѣло много общаго съ полицейскимъ вѣдомствомъ. Не миновалъ гоненій и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, который въ октябрѣ и ноябрѣ дѣйствовалъ совершенно открыто съ молчаливаго согласія правительства, а въ декабрѣ былъ арестованъ и всѣ депутаты были преданы суду.

На судѣ, длившемся цѣлый мѣсяцъ, выяснилось все предательство поведенія правительства, терпѣвшаго совѣтъ до тѣхъ поръ, пока революціонное настроеніе массъ было гарантіей его неприкосновенности, и перехватавшаго всѣхъ депутатовъ съ ослабленіемъ движенія. Хотя на судѣ было доказано, что С. Р. Д. въ своей дѣятельности являлся лишь исполнителемъ воли всего петербургскаго пролетаріата, правительство предпочло судить его, какъ самостоятельную революціонную организацію и отмстило 15 наиболѣе виднымъ его дѣятелямъ пожизненною ссылкою на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

На негодующіе протесты общества по поводу попиранія принциповъ 17 октября, правительство пускало въ оборотъ обычный свой аргументъ о невозможности сразу осуществить всѣ свободы, и въ заключеніе обѣщало скоро издать временный законъ о свободѣ союзовъ и собраній. Все это снабжалось постояннымъ припѣвомъ о томъ, что всѣ законы о свободахъ должны пройти черезъ санкцію Госуд. Думы.

Между тѣмъ, профессіональное движеніе, особенно среди рабочихъ, все возрастало. Уже къ концу 1905 г. не было почти ни одного производства, гдѣ бы не происходило это движеніе. Рабочихъ союзовъ возникло такъ много, что явилась необходимость объединить ихъ въ какую-нибудь общую организацію. Въ Петербургѣ возникло центральное бюро всѣхъ профессіон. рабочихъ союзовъ, въ которое вошли представители 41 союза. Бюро

стало издавать свой органъ „Профессіональный союзъ“, выпустивъ болѣе 20 номеровъ его (П. А. Столыпинымъ этотъ журналъ закрытъ). Въ то время, въ одномъ только Петербургѣ насчитывалось 32,000 объединенныхъ союзами рабочихъ. При такихъ условіяхъ, явилась крайняя необходимость въ созданіи такого положенія, при которомъ союзы не зависѣли бы отъ усмотрѣнія администраціи, отношеніе которой къ союзамъ мѣнялось въ зависимости отъ разныхъ причинъ, ничего общаго съ вопросомъ о свободѣ союзовъ не имѣющихъ. Но такое положеніе создано было манифестомъ 17 октября, обѣщавшимъ свободу союзовъ. Необходимо было это обѣщаніе осуществить, издавъ временный законъ, которымъ закрѣплялось бы данное обѣщаніе. Но издать такой законъ, значило бы—установить незыблемую свободу союзовъ, а этого-то правительство и не желало, судя по его расправамъ съ почтово-телеграфнымъ, учительскимъ, чиновничьими и т. п. союзами. Оставался путь, испытанный уже при осуществленіи неприкосновенности личности и свободы печати,—путь попранія обѣщаній манифеста 17 октября. По этому проторенному пути и пошли гг. Витте-Дурново. 4-го марта были опубликованы „временныя правила объ обществахъ и союзахъ“.

И по духу, и по существу эти правила были въ близкомъ родствѣ съ правилами о печати; такъ же, какъ и тамъ, видно здѣсь желаніе составителей закона какъ можно подальше обойти свободу и дать только ея видимость. Ст. 2 правилъ гласитъ: „Общества и союзы могутъ быть образуемы безъ испрошенія на то разрѣшенія правительственной власти, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“. А „нижеслѣдующія статьи“ редактированы такъ, что отъ свободы союзовъ, о которой несомнѣнно идетъ рѣчь въ вышеприведенной статьѣ, ничего не

остается. Во-первыхъ, отъ участія въ союзахъ и обществахъ устранены цѣлыя огромныя категоріи гражданъ: служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ телефонныхъ предпріятіяхъ, учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и военные и военно-морскіе служащіе; участіе всѣхъ этихъ лицъ въ обществахъ и союзахъ обставлено такими условіями—вплоть до разрѣшенія начальства—которыя совершенно исключаютъ понятіе о свободѣ. Профессіональные союзы подлежатъ дѣйствію особыхъ правилъ, также ограничивающихъ свободу возникновенія союзовъ. Соединеніе такихъ союзовъ въ общіе союзы не дозволяется. Устанавливаемая правилами обязанность для обществъ и союзовъ регистрироваться въ особыхъ, учреждаемыхъ для этого присутствіяхъ, сводитъ явочную систему на нѣтъ, такъ какъ присутствіямъ, находящимся подъ контролемъ администраціи и состоящимъ изъ ея агентовъ, предоставляется право отказать въ регистраціи, что равносильно неразрѣшенію образовать союзъ или общество. Равнымъ образомъ, и закрытіе союзовъ предоставлено усмотрѣнію администраціи: министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право сдѣлать это всегда, когда признаетъ нужнымъ. Наконецъ, дѣятельность профессіональныхъ союзовъ заключена правилами въ узкія рамки экономическихъ интересовъ и улучшенія условій труда, что лишаетъ рабочіе союзы того боевого значенія, которое они должны имѣть по своимъ задачамъ.

Нечего и говорить, что это новое измышленіе министерства, не переставшаго бороться съ освободительнымъ движеніемъ, было встрѣчено общимъ негодованіемъ. Цѣль этого закона была понятна: съ изданіемъ его, получатъ право на существованіе только тѣ союзы, которые будутъ зарегистрированы присутствіями, остальные же или должны будутъ закрыться, или могутъ быть всегда закры-

ты администраціей. Опытъ временныхъ правилъ о печати, съ изданіемъ которыхъ были закрыты всѣ наиболѣе передовыя газеты, не оставлялъ сомнѣній въ томъ, что и въ этомъ случаѣ новый законъ ничего, кромѣ вреда для освободительнаго движенія не принесетъ. Въ этомъ безвыходномъ положеніи, большинство союзовъ, обществъ и партій рѣшило подчиниться правиламъ, чтобы не доставить правительству удовольствія распустить ихъ на основаніи новаго закона. Не желали ему подчиниться только рабочіе союзы. Вторая конференція представителей этихъ союзовъ, происходившая въ мартѣ мѣсяцѣ, приняла резолюцію, которою легализація союзовъ при современныхъ политическихъ условіяхъ была признана безусловно невозможною; при организаціи и дѣятельности союзовъ, конференція рекомендовала продолжать примѣненіе явочнаго порядка.

Къ чему привело рѣшеніе политическихъ партій и обществъ легализироваться—можно было увидѣть, когда началась дѣятельность „присутствій“. Московское присутствіе, напр., не утвердило устава „Клуба независимыхъ“ потому, что въ этомъ уставѣ признается, что „верховная власть въ Россіи принадлежитъ монарху и народному представительству, имѣющему ближайшей задачей проведеніе въ жизнь демократическихъ началъ и организованному на основахъ 2-хъ палатной системы“. Большинство присутствія признало эти положенія „несоотвѣтствующими существующему нынѣ въ Россіи государственному устройству, дѣйствующимъ основнымъ законамъ и манифесту 20 февраля“. Такъ же дѣйствовало и петербургское присутствіе, открывшееся въ августѣ мѣсяцѣ. Такія лойяльныя организаціи, какъ партія кадетовъ и лига образованія, не получили утвержденія присутствія подъ предлогомъ неопредѣленности преслѣдуемыхъ ими цѣлей и по разнымъ формаль-

нымъ причинамъ, а союзъ инженеровъ былъ постановленіемъ присутствія вовсе закрытъ за якобы вредную дѣятельность, выразившуюся въ уступкѣ его помѣщенія постороннимъ организаціямъ; не были зарегистрованы и многія другія организаціи; только къ черносотеннымъ союзамъ присутствіе отнеслось съ большею благосклонностью. Союзы, совсѣмъ нежелавшіе подчиниться новымъ правиламъ, испытали всю прелесть провозглашенной свободы еще ранѣе: вскорѣ послѣ роспуска Думы, пользуясь введеніемъ въ Петербургѣ чрезвычайной охраны, градоначальникъ закрылъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ союзовъ: фармацевтовъ, печатнаго дѣла, часовщиковъ, приказчиковъ, булочниковъ, кондитеровъ, обработки дерева, конторщиковъ и бухгалтеровъ и др.; закрытію предшествовали обыски; было и нѣсколько арестовъ при этомъ; 29 іюля было закрыто и центральное бюро профессіональныхъ союзовъ и редакція журнала „Профессіональный Союзъ“; при обыскахъ и закрытіи полиція не стѣсняясь конфисковала документы, переписку, счета и даже деньги. Такимъ образомъ, получился совершенно одинаковый результатъ и для союзовъ, ставшихъ подъ сѣнь закона, и для союзовъ, не желавшихъ его признать; и тѣмъ, и другимъ въ свободномъ существованіи было отказано. Свобода союзовъ была осуществлена такъ же, какъ и всѣ другіе виды свободъ...

Послѣ всего, что здѣсь приведено, намъ не много остается сказать о прочихъ обѣщанныхъ свободахъ—свободѣ собраній и свободѣ совѣсти, такъ какъ осуществлены онѣ были по той же схемѣ. Послѣ 17 октября общество болѣе всего нуждалось въ свободѣ собраній. Всеобщее возбужденіе, овладѣвшее въ „дни свободы“ всей Россіей, искало выхода и готово было каждый мигъ

вылиться въ стихійную вспышку. Необходимо было овладѣть этимъ движеніемъ, направить его въ русло гражданственности, дать ему осмысленное теченіе. Для этого необходимы массовыя собранія, на которыхъ только и возможно столковаться, придти къ общему рѣшенію, избавляющему отъ столкновеній и несогласій. Помимо того, всѣ существовавшія общественныя группы и организаціи не могли не собираться въ такое историческое время: необходимо было сорганизоваться и принять тѣ или другія опредѣленныя рѣшенія. Для администраціи также было выгодно не мѣшать собраніямъ, такъ какъ невмѣшательство обезпечивало порядокъ, столь необходимый въ эти кипучіе дни.

Но бюрократія не хотѣла понять даже такой простой вещи. Видя свое безсиліе остановить движеніе, правительство всю свою энергію обратило на то, чтобы мѣшать собраніямъ. Изданный 12 октября законъ о собраніяхъ, хотя далекій отъ предоставленія свободы собраній, но все-таки позволявшій время отъ времени собираться, былъ отмѣненъ администраціею еще до 17 октября, послѣ же 17 октября полиція стала разгонять такія собранія, которыя даже во времена злѣйшей реакціи не вызывали никакихъ репрессій. Повсюду рыскали полицейскіе патрули, врывались въ помѣщенія, гдѣ только замѣчалось хоть малѣйшее скопленіе людей, и силою оружія разгоняли присутствующихъ, не разбирая, для чего они собрались и кто были собравшіеся. Отъ такихъ вторженій не было ограждено даже вольно-экономическое общество, собиравшееся на основаніи своего устава; разгонялись собранія кадетовъ, просвѣтительныхъ обществъ, слушатели публичныхъ лекцій. Словомъ, послѣ даннаго манифестомъ обѣщанія даровать населенію свободу собраній, правительство отняло всякую возможность собираться. На негодующіе

протесты общества оно отвѣчало, что будетъ изданъ временный законъ о свободѣ собраній, пока же предлагало „успокоиться". Если собранія разрѣшались, то на нихъ посылались полицейскіе чиновники, безцеремонно прерывавшіе ораторовъ, дѣлавшіе замѣчанія предсѣдателямъ и въ концѣ концовъ закрывавшіе собранія. Между тѣмъ, потребность въ общеніи все усиливалась, общественная иниціатива, сжатая въ тискахъ полицейскаго усмотрѣнія, требовала простора. Создался своеобразный суррогатъ свободы собраній: цѣлыя организаціи, партіи, общества выѣзжали въ Финляндію, гдѣ и устраивали собранія, недосягаемыя для русской полиціи.

Только 4 марта изданы были временныя правила о публичныхъ собраніяхъ. Послѣ описанія тѣхъ препятствій, которыя чинили власти собраніямъ до изданія этого закона, не трудно догадаться, каковъ былъ законъ, созданный тѣми же властями. Въ немъ были и полицейское усмотрѣніе, и стѣсненія всякаго рода, не было только обѣщанной свободы. Какъ и по правиламъ 12 октября, по новому закону требовалось заявленіе о собраніи за три дня; за администраціей оставлено право запрещать собраніе, если она признаетъ его угрожающимъ общественному спокойствію и безопасности; представителямъ полиціи предоставлено почти безконтрольное право по своему усмотрѣнію закрывать собранія; установленъ цѣлый рядъ ограниченій въ выборѣ мѣстъ для собраній; такъ, не дозволяются собранія: въ помѣщеніяхъ учебныхъ заведеній, вблизи царскихъ дворцовъ, помѣщеній Думы и Государственнаго совѣта, въ гостинницахъ, ресторанахъ, общественныхъ столовыхъ, кухмистерскихъ, трактирахъ. Эти ограниченія вносили столько стѣсненій, что съ изданіемъ закона положеніе нисколько не измѣнилось: по-прежнему не было почти никакой возможности устраивать

собранія, и паломничество общественныхъ группъ въ Финляндію продолжается и донынѣ.

Относительно осуществленія свободы совѣсти, правительство не считало нужнымъ прикрываться даже такимъ фиговымъ листомъ, какъ временныя правила. Религіозныя отношенія до сихъ поръ регулируются изданнымъ 17 апрѣля 1905 г. Высочайшимъ повелѣніемъ, которымъ хотя и предоставлена нѣкоторая свобода въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ, но она дана далеко не всѣмъ религіямъ, осуществленіе же ея поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи. Изданный 14 марта 1906 г. въ развитіе Высоч. повелѣнія законъ о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій оставилъ въ силѣ многія стѣсненія въ дѣлахъ вѣры и нисколько не улучшилъ положенія иновѣрцевъ. Обѣщаніе манифеста обезпечить населенію совершенную свободу совѣсти осталось мертвою буквою.

IV.

Въ такомъ же стилѣ сложилось отношеніе „конституціоннаго“ правительства и къ рабочему классу. Во всѣ моменты освободительнаго движенія русскій пролетаріатъ приносилъ самыя тяжелыя жертвы и всегда шелъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за народныя вольности. Начиная съ 9 января 1905 г., рабочіе вели неустанную активную борьбу съ самодержавіемъ, и только ихъ дружный натискъ въ историческіе октябрьскіе дни вынудилъ правительство дать тѣ обѣщанія, съ момента которыхъ самодержавіе переставало существовать. Уже самое положеніе передовыхъ борцовъ за освобожденіе народа не обѣщало рабочимъ ничего хорошаго со стороны правительства, вступившаго въ борьбу даже съ принципами манифеста 17 октяаря, но то, что пришлось имъ испытать, превзошло всякія

ожиданія. Послѣ 17 октября рабочіе были разочарованы не только какъ граждане, которымъ манифестомъ была обѣщана гражданская свобода, но и какъ труженики, которымъ были даны самыя широкія обѣщанія оградить и расширить ихъ права, попираемыя властями и предпринимателями. Какъ были исполнены обѣщанія гражданской свободы, мы только что видѣли; посмотримъ, какъ были ограждены и расширены права рабочихъ.

Послѣ всеобщей забастовки, вырвавшей у самодержавія манифестъ 17 октября, рабочій классъ былъ самымъ вліятельнымъ классомъ въ странѣ, и рабочія организаціи—самыми могущественными организаціями. Образовавшійся въ Петербургѣ въ самый разгаръ всеобщей стачки Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ руководилъ всѣмъ движеніемъ петербургскаго пролетаріата, и правительство, которое теперь осудило его дѣятелей, назначивъ имъ тяжкое наказаніе, не только не рѣшалось вступить съ нимъ въ борьбу, но нерѣдко считалось съ нимъ, какъ съ правомочнымъ представителемъ рабочаго класса. Реакція не на шутку испугалась съ каждымъ днемъ возраставшаго вліянія Совѣта и, называя его вторымъ правительствомъ, требовала отъ кабинета Витте-Дурново рѣшительныхъ мѣръ. Но кабинетъ, вмѣсто примѣненія „рѣшительныхъ мѣръ“, пытался войти съ пролетаріатомъ въ соглашеніе. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить телеграмму предсѣдателя совѣта министровъ гр. Витте, присланную на имя рабочихъ: „Братцы-рабочіе!“ обращается къ нимъ графъ Витте.—Станьте на работу, бросьте смуту, пожалѣйте вашихъ женъ и дѣтей. Не слушайте дурныхъ совѣтовъ. Государь приказалъ намъ обратить особое вниманіе на рабочій вопросъ. Для этого Его Императорское Величество образовалъ министерство торговли и промышленности, которое должно установить справедливыя отношенія между рабочими и предпринимателями.

Дайте время—все возможное будетъ для васъ сдѣлано. Выслушайте совѣта человѣка, къ вамъ расположеннаго и желающаго вамъ добра".

Телеграмма эта вызвала бурю негодованія, и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ отвѣтилъ на нее рѣзкою резолюціей, исключавшей всякую возможрость какого-нибудь соглашенія между пролетаріатомъ и правительствомъ. „Графъ Витте призываетъ насъ,—говоритъ эта резолюція,—пожалѣть нашихъ женъ и дѣтей. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ призываетъ, въ отвѣтъ, всѣхъ рабочихъ подсчитать, сколько вдовъ и сиротъ прибавилось въ рабочихъ рядахъ съ того дня, какъ Витте взялъ въ свои руки государственную власть. Графъ Витте указываетъ на милостивое вниманіе Государя къ рабочему народу. С. Р. Д. напоминаетъ петербургскому пролетаріату о кровавомъ воскресеньѣ 9-го января. Графъ Витте проситъ дать ему „время" и обѣщаетъ сдѣлать для рабочихъ „все возможное". С. Р. Д. знаетъ, что Витте уже нашелъ время для того, чтобы отдать Польшу въ руки военныхъ палачей, и С. Р. Д. не сомнѣвается, что Витте сдѣлаетъ „все возможное", чтобы задушить революціонный пролетаріатъ"...

Въ этомъ отвѣтѣ вылилось все негодованіе рабочихъ, накопившееся за многіе годы притѣсненій. Ничего хорошаго не могли ждать рабочіе отъ правительства, которое никогда не было на ихъ сторонѣ и если обращало когда нибудь вниманіе, то лишь для того, чтобы создать для рабочаго класса новыя притѣсненія, наложить на него новыя тягости. Всѣ мѣропріятія правительства по рабочему вопросу, не исключая и законодательныхъ, были направлены къ поддержкѣ интересовъ не трудящихся, а фабрикантовъ и заводчиковъ. Обѣщанія указа 12 декабря 1904 г. и программа улучшенія положенія рабочихъ, обѣщанныхъ имъ послѣ катастрофы 9 января, остались неисполненными, и по

проэктамъ реформъ, сочиненнымъ въ обычныхъ бюрократическихъ лабораторіяхъ, не видно было желанія правительства искренно помочь рабочему горю. Въ борьбѣ рабочихъ съ предпринимателями, ведшейся въ теченіе всего 1905 г., правительство по-прежнему было не на сторонѣ трудящихся. Благодаря этому, всѣ уступки, которыхъ при помощи стачекъ успѣвали добиться рабочіе цѣною голоданія, безработицы и всякихъ невзгодъ, не закрѣпленныя законодательнымъ путемъ, брались назадъ тотчасъ-же, какъ только предприниматели чувствовали пониженіе боевой энергіи рабочихъ.

Однимъ изъ завоеваній, достигнутыхъ рабочими 17 октября, было избирательное право, обѣщанное манифестомъ тѣмъ классамъ населенія, которые закономъ 6 августа были лишены этого права, Однако, и избирательнымъ закономъ 11 декабря, выработаннымъ совѣтомъ министровъ, избирательное право рабочихъ было обращено въ фикцію. Не говоря уже о томъ, что въ отличіе отъ прочихъ классовъ городскихъ избирателей, для рабочихъ установлены трехстепенные выборы, число избирателей путемъ разныхъ ограниченій было низведено до минимума. Съ этою цѣлью, число выборщиковъ отъ рабочихъ установлено на основаніи численнаго отношенія рабочихъ къ общей массѣ населенія, а для того, чтобы это отношеніе было возможно меньше, отъ участія въ выборахъ устранены ремесленники и рабочіе тѣхъ заведеній, въ которыхъ занято менѣе 50 рабочихъ; далѣе, лишены избирательныхъ правъ рабочіе цѣлаго ряда губерній: вся Сибирь и почти все Царство Польское, за исключеніемъ Варшавской и Петроковской губерній, устранены отъ участія въ выборахъ При численности рабочихъ въ Россіи около 10 милліоновъ (по переписи 1897 г.), эти ограниченія лишили избирательнаго права болѣе 7 милліоновъ трудящихся, для остальныхъ же 2 съ небольшимъ

милліоновъ совѣтъ министровъ обставилъ участіе въ выборахъ такими условіями, что только при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ слишкомъ большого дробленія партій на выборахъ, рабочіе могли пройти въ думу въ единичныхъ случаяхъ, и то лишь по 4—5 губерніямъ. Пролетаріатъ отвѣтилъ на это издѣвательство надъ его правомъ — бойкотомъ выборовъ. Пошли на выборы лишь весьма немногіе рабочіе и если въ Думѣ оказалось все-таки 14 представителей ихъ, то это объясняется оппозиціоннымъ настроеніемъ избирателей, пославшихъ въ Думу почти исключительно оппозиціонные элементы. Такимъ образомъ, уже въ прошлые выборы обѣщаніе манифеста дать рабочимъ избирательныя права, волею совѣта министровъ было сведено почти на нѣтъ.

Но и этого правительству оказалось мало, и кабинетъ г. Столыпина довершилъ начатую кабинетомъ графа Витте работу по окончательному отобранію дарованныхъ пролетаріату избирательныхъ правъ. По запросу министерства внутреннихъ дѣлъ, I-й департаментъ сената, въ составъ котораго, къ слову сказать, входятъ, между прочимъ, 4 бывшихъ директора департамента полиціи, разъяснилъ избирательныя права рабочихъ, ремесленниковъ, мелкихъ квартиронанимателей, домовой прислуги и т. п. такимъ образомъ, что огромный контингентъ пролетаріата, именно того пролетаріата, который манифестомъ 17 октября было обѣщано привлечь къ участію въ Государственной Думѣ, совершенно устраненъ отъ участія въ выборахъ. При выработкѣ закона 11 декабря, коимъ избирательныя права рабочихъ были искусственно съужены, совѣтъ министровъ въ своей объяснительной запискѣ заявлялъ, что рабочіе поставлены въ отношеніи избирательныхъ правъ въ исключительно привилегированное положеніе, такъ какъ тѣмъ изъ нихъ, которые нанимаютъ квартиры, законъ предостав-

ляетъ участвовать въ выборахъ не только въ рабочей куріи, но и въ категоріи квартиронанимателей; этимъ, косвенно, и объяснялось, что къ рабочимъ, допускавшимся къ выборамъ въ куріи, примѣнена была столь широкая система исключеній. Не смущаясь этимъ объясненіемъ, правительство захотѣло во что бы то ни стало еще болѣе съузить кругъ рабочихъ избирателей и обратилось къ сенату за разъясненіемъ совершенно яснаго вопроса о томъ, кто можетъ быть исключенъ изъ числа избирателей. Сенатъ, весь состоящій изъ вчерашнихъ чиновниковъ, послушно „разъяснилъ“; въ результатѣ такого „разъясненія“, изъ избирательныхъ списковъ стали вычеркиваться многія сотни тысячъ людей, которыхъ правительство считаетъ „виновниками“ непримиримой оппозиціонности депутатовъ первой Думы; эти люди и есть именно тѣ рабочіе, о привилегированности которыхъ такъ распространялся совѣтъ министровъ Витте-Дурново.

* * *

Въ то время, какъ рабочіе, не видя со стороны правительства никакихъ признаковъ желанія исполнить данныя имъ обѣщанія, полагали всѣ свои силы на борьбу съ все возраставшимъ произволомъ властей, министерство Витте-Дурново продолжало въ тиши кабинетовъ вырабатывать новыя ограниченія для гражданской свободы. Результатомъ этой работы явился законъ о стачкахъ. Это не былъ тотъ давно обѣщанный законъ, которымъ стачки объявляются законнымъ средствомъ борьбы рабочихъ за свои права и регулируются въ интересахъ общества и государства. Изданіе такого закона умиротворило бы рабочихъ и дало имъ возможность скорѣе обратиться къ мирному труду и упроченію

своего благосостоянія. Нѣтъ, новый законъ былъ новымъ нарушеніемъ обѣщаній 17 октября, новою провокаціей къ безпорядкамъ и гражданской войнѣ. Указомъ правительствующему сенату 29 ноября, всѣ стачки служащихъ на казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, на правительственномъ и желѣзнодорожномъ телеграфѣ и телефонѣ общаго пользованія и вообще въ такомъ предпріятіи, „пріостановленіе дѣятельности котораго угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія“, разсматриваются, какъ тяжкое преступленіе, и наказываются заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ отъ восьми мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ; такому же наказанію подвергаются виновные въ подстрекательствѣ къ такимъ стачкамъ; еще болѣе тяжко караются виновные въ участіи въ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью возбужденіе къ перечисленнымъ стачкамъ. Такія лица наказываются заключеніемъ въ крѣпости отъ одного года и 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.

Чтобы оцѣнить значеніе этого акта, нужно вспомнить тѣ условія, при которыхъ онъ былъ созданъ. Полтора мѣсяца прошло со дня, когда царскимъ манифестомъ были обѣщаны Россіи гражданскія вольности. Правительство, которому было поручено осуществить эти обѣщанія, каждымъ своимъ шагомъ показывало, что оно не только не намѣрено ихъ осуществить, но безконечными репрессіями желаетъ отучить Россію отъ всякой мысли о свободахъ. Съ такимъ правительствомъ приходилось бороться за каждый шагъ, и рабочіе занимали въ этой борьбѣ первое мѣсто. Не щадя ни силъ, ни жизни шли они на нее, дружно организуя забастовки въ отвѣтъ на каждый вызовъ правительства. Бюрократія уже имѣла случай испытать могучее значеніе всеобщей стачки и понимала, что отстоять свои позиціи она можетъ

только цѣною подавленія стачечнаго движенія. Закономъ 29 октября она этого достигла: у пролетаріата было отнято самое сильное средство борьбы за свободу. Онъ былъ обезоруженъ, но не сдавался и въ отвѣтъ на этотъ вызовъ объявилъ декабрьскую забастовку. Правительству понадобились новыя мѣры для борьбы съ неукротимой „крамолой“, и изобрѣтательное министерство Витте-Дурново быстро ихъ нашло. Такъ какъ арсеналъ репрессій былъ исчерпанъ до конца, то необходимо было прибѣгнуть къ какому-нибуть другому способу борьбы. Здѣсь сослужилъ отличную службу опытъ погромовъ, узаконенный знаменитымъ секретнымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ о непрепятствованіи „проявленію національныхъ чувствъ народа“. Пущена была въ ходъ провокація, но уже не при помощи наемныхъ черносотенцевъ, а собственными средствами самого правительства. 3 декабря въ „Правит. Вѣстникѣ“ появилось слѣдующее сообщеніе:

„Правительство получаетъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія, что во многихъ мѣстностяхъ населеніе, разоренное происходящими желѣзнодорожными забастовками, находится въ такомъ возбужденномъ состояніи, что при новой забастовкѣ можетъ случиться, что оно само начнетъ расправляться со служащими дороги, нанося имъ тѣлесныя поврежденія, причемъ, конечно, въ такомъ случаѣ можетъ пострадать масса невинныхъ, въ виду безпорядковъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Если при забастовкахъ на желѣзныхъ дорогахъ населеніе начнетъ громить желѣзнодорожныхъ служащихъ, правительству будетъ весьма трудно оказать своевременное содѣйствіе къ водворенію порядка“.

Это сообщеніе открыто приглашало населеніе къ борьбѣ съ забастовщиками, цинично обѣщая невмѣшательство правительства, „если населеніе

начнетъ громить желѣзнодорожныхъ служащихъ". Небывалое безстыдство, съ которымъ министерство Витте-Дурново пыталось вовлечь населеніе въ гражданскую войну, было оцѣнено по достоинству. Населеніе не поддалось на провокацію и осталось нейтральнымъ. Тогда правительство расправилось съ забастовщиками своими средствами и устроило имъ на линіяхъ Московско-Казанской жел. дороги бойню, которая можетъ сравниться по своей жестокости только съ истребленіемъ французскихъ коммунаровъ въ 1871 г. Населеніе, за свое желаніе остаться лойяльнымъ и уклониться отъ участія въ гражданской войнѣ, получило кровавое возмездіе: множество ни въ чемъ неповинныхъ людей, жившихъ на линіяхъ подмосковныхъ жел. дорогъ, было безпощадно истреблено карательными отрядами семеновцевъ.

Не удалась правительственная провокація и въ Москвѣ, явившейся центромъ декабрьской забастовки: населеніе не вступило въ борьбу съ забастовщиками. Зато властямъ удалось самихъ забастовщиковъ вовлечь въ вооруженное возстаніе. Хотя въ резолюціяхъ революціонныхъ организацій и говорилось о томъ, что стачку нужно „перевести въ вооруженное возстаніе", но едва ли это постановленіе было бы осуществлено, если бы на это не вызвали рабочихъ дѣйствія московской администраціи. Въ теченіе двухъ первыхъ дней забастовки, несмотря на огромное возбужденіе бастующихъ, нигдѣ не было проявлено съ ихъ стороны наступательныхъ дѣйствій; только при съемкахъ упорствовавшихъ рабочихъ, нежелавшихъ бросить работу, между ними и забастовщиками происходили столкновенія, весьма обычныя въ такихъ случаяхъ. Въ эти столкновенія вмѣшались войска, разгонявшія стачечниковъ штыками. Залпами разгонялись и многочисленные митинги. Только послѣ этого, уже на третій день забастовки,

ораторы на митингахъ стали настойчиво призывать рабочихъ къ вооруженному возстанію и по городу стали строиться баррикады. Населеніе Москвы не только не проявляло по отношенію къ повстанцамъ вражды, но дѣятельно помогало имъ на окраинахъ, участвуя въ сооруженіи баррикадъ, въ доставкѣ необходимыхъ матеріаловъ и оказывая помощь пострадавшимъ.

Какъ расправилось правительство съ Москвою—всѣмъ извѣстно. Первопрестольная столица была потоплена въ крови многихъ сотенъ москвичей. И здѣсь, какъ подъ Москвою, „усмирители“ мстили не революціонерамъ, большинство которыхъ успѣло скрыться, а мирнымъ обывателямъ, которыхъ войска разстрѣливали безъ всякаго суда часто только за то, что они попались имъ въ руки вблизи баррикадъ или вообще казались подозрительными. Изъ зарегистрированныхъ медицинскими бюро 174 убитыхъ, дружинниковъ насчитывалось не болѣе 15 чел. По свѣдѣніямъ московскихъ кладбищъ, изъ 454 труповъ, похороненныхъ въ эти дни, насчитывалось 86 дѣтей. Лучшимъ свидѣтельствомъ вызывающей роли правительства въ Московскомъ вооруженномъ возстаніи является резолюція Московской городской думы, которую по преобладающему составу гласныхъ едва ли возможно причислить къ оппозиціоннымъ элементамъ. Въ засѣданіи, происходившемъ вслѣдъ за подавленіемъ возстанія, Дума постановила „признать, что событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ за послѣдніе дни, нашли себѣ, къ сожалѣнію, благопріятную почву въ отсутствіи законовъ, регулирующихъ свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17 октября, и въ чувствѣ недоброжелательности и недовѣрія къ дѣйствіямъ правительства, каковое создано въ населеніи замедленіемъ выполненія обѣщаній, возвѣщенныхъ правительствомъ“.

* * *

Послѣ Московскаго возстанія и кроваваго его подавленія, движеніе пролетаріата пошло на убыль. Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ былъ арестованъ и хотя на смѣну ему былъ избранъ другой, но силы рабочихъ были утомлены и требовали роздыха. Для правительства, не переставшаго твердить о томъ, что реформы задерживаются по винѣ самаго населенія, упрямо нежелающаго успокоиться и тѣмъ мѣшающаго проведенію реформъ, наступилъ моментъ, когда ничто не мѣшало ему исполнить обѣщанія, данныя рабочимъ. Но обѣщанія продолжаютъ оставаться пустымъ звукомъ и до сихъ поръ, и наступившимъ временнымъ перерывомъ въ борьбѣ правительство воспользовалось лишь для того, чтобы доказать свое нежеланіе пойти на уступки, вынуждаемыя у него силою. Доказательство это не имѣло, однако, никакой цѣны, такъ какъ своею тактикою въ отношеніи трудящихся правительство доказало совершенно обратное, т. е., что оно уступало только силѣ.

Такъ, напримѣръ, цѣлый рядъ частныхъ забастовокъ, происходившихъ въ теченіе 1905 г. на желѣзныхъ дорогахъ, не заставилъ министерство путей сообщенія обратить вниманіе на тяжелое положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ, потому что за ними не стояло грозной организаціи, вродѣ жел.-дор. союза. Только, когда въ октябрѣ забастовали всѣ желѣзныя дороги Европейской и Азіатской Россіи и даже Финляндіи, и эта забастовка была поддержана всеобщей стачкой, правительство, устрашенное этимъ массовымъ движеніемъ, исполнило требованія желѣзнодорожниковъ, и 22 октября, съ согласія гр. Витте, по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ была разослана телеграмма, извѣщавшая, что содержаніе всѣхъ низшихъ служащихъ будетъ повышено и улучшенъ ихъ мате-

ріальный бытъ, правовое положеніе всѣхъ служащихъ будетъ урегулировано, всѣ ограничительные циркуляры отмѣнены, военное положеніе на всѣхъ дорогахъ будетъ снято и т. п.; при этомъ, забастовщикамъ была обѣщана полная неприкосновенность и обратный пріемъ всѣхъ уволенныхъ за забастовку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на увеличеніе содержанія мелкихъ служащихъ и рабочихъ было ассигновано 16 милліоновъ руб. Эта уступка, давно требовавшаяся самою жизнью, была сдѣлана не потому, что правительство этого желало, а лишь потому, что перевѣсъ оказался на сторонѣ забастовщиковъ. Не естественно ли послѣ этого, что и другія свои нужды и требованія, столь же вопіющія, пролетаріатъ желалъ осуществить тѣмъ же путемъ, такъ какъ онъ былъ указанъ ему самимъ правительствомъ. Почтово-телеграфная забастовка, разразившаяся вскорѣ послѣ этого, какъ нельзя лучше подтверждаетъ это положеніе: пока служащіе почтъ и телеграфовъ обращались къ Дурново и Севастьянову съ покорнѣйшими просьбами объ улучшеніи ихъ невыносимаго положенія, эти чиновники высокомѣрно отказывали въ ихъ мольбахъ, угрожая репрессіями за дерзость обращаться къ высшему начальству съ такими просьбами; множество ходатайствъ, шедшихъ изъ провинціи, оставлялись безъ всякаго отвѣта; но вотъ несчастные труженики поднялись, какъ одинъ человѣкъ, противъ своихъ угнетателей, остановивъ всю промышленную жизнь страны на цѣлыя три недѣли; устрашенное начальство хотя и подавило ихъ забастовку, загубивъ тысячи наиболѣе стойкихъ стачечниковъ, но поспѣшило исполнить ихъ требованія объ увеличеніи содержанія, ассигновавъ на это 2 милліона рублей.

За то тамъ, гдѣ правительство дѣйствовало добровольно, пролетаріатъ ничего, кромѣ грубой фальсификаціи, не получилъ. Это особенно ярко

сказалось при послѣднемъ законодательномъ упражненіи министерства г. Столыпина объ установленіи рабочаго времени въ ремесленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ. Мы говоримъ объ изданныхъ 15 ноября 1906 г. въ порядкѣ 87 ст. осн. законовъ двухъ законодательныхъ актахъ: „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ“ и тоже—относительно „служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ“. Поспѣшность, съ которою эти законы были изданы (3-го ноября въ засѣданіи совѣта министровъ этотъ вопросъ былъ только еще возбужденъ, а 19-го ноября законы были уже опубликованы въ „Собраніи узаконеній“), и краткій срокъ, назначенный для введенія ихъ въ дѣйствіе (одинъ мѣсяцъ) представляютъ небывалое явленіе въ исторіи нашего бюрократическаго законодательства, и невольно заставляли искать объясненія такой поспѣшности. При ближайшемъ разсмотрѣніи названныхъ законовъ легко было убѣдиться, что они рѣшительно ничего не даютъ ремесленному и торговому пролетаріату въ смыслѣ улучшенія условій труда, такъ какъ устанавливаемый ими рабочій день въ 12 ч. съ 2-хъ часовымъ перерывомъ для обѣда и воскресный и праздничный отдыхъ существовали на бумагѣ и до сихъ поръ, а временный уставъ, составленный еще при Екатеринѣ II, былъ введенъ, какъ узаконенная норма; однако, ни то, ни другое не соблюдалось, потому, что администрація стояла на сторонѣ нарушителей закона. Цѣлый рядъ исключеній, въ видѣ допущенія торговли до 15 часовъ въ сутки во многихъ видахъ торговли, отмѣны воскреснаго отдыха для другихъ видовъ торговли и допущенія сверхурочныхъ работъ въ теченіе 40, а для ремесленниковъ—даже 60 дней въ году—почти совершенно лишаютъ новые законы значенія мѣры, направленной къ огражденію интересовъ трудящихся.

Но въ такомъ случаѣ, для чего же они изданы, да еще съ такою поспѣшностью? возникаетъ неизбѣжный вопросъ. Отвѣтъ на это даетъ анализъ всей законодательной дѣятельности министерства г. Столыпина. Большинство проведенныхъ имъ законовъ имѣло цѣлью или явную борьбу съ народомъ — таковы законы о военно-полевыхъ судахъ, о пропагандѣ въ войскахъ, о преслѣдованіи печати (законъ 24 декабря 1906 г.) и т. п.,— или—привлеченіе симпатій населенія на сторону правительства—таковы аграрные законы. Къ этой послѣдней категоріи, несомнѣнно, относятся и законы 15 ноября: г. Столыпину и его компаніи важно было передъ выборами заручиться расположеніемъ огромнаго числа ремесленниковъ и служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ; но разсчитывать на ихъ симпатіи послѣ совершеннаго упраздненія законности и замѣны ея военно-полевой юстиціей и административными расправами—было невозможно, поэтому рѣшено было подогрѣть расположеніе къ кабинету какимъ-нибудь либеральнымъ туманомъ; этотъ туманъ и былъ напущенъ въ ноябрьскія произведенія военно-полевого кабинета. Разсчеты г. Столыпина, однако, не оправдались: новые законы носили слишкомъ явный характеръ ловкаго предвыборнаго маневра, и ремесленный и торговый пролетаріатъ немедленно разоблачилъ эту фальсификацію, заклеймивъ ее въ цѣломъ рядѣ своихъ резолюцій.

V.

Аграрный вопросъ—эта альфа и омега русской революціи—занималъ центральное мѣсто и въ политикѣ бюрократіи. Въ отличіе отъ прочихъ моментовъ борьбы своей съ народомъ, когда подъ напоромъ бушующихъ народныхъ волнъ правительство обѣщало все, но не давало ничего, въ

аграрномъ вопросѣ правительство ничего не обѣщало и ничего не давало. Мы говоримъ: „ничего не обѣщало“, несмотря на цѣлый рядъ правительственныхъ актовъ, направленныхъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса, ибо нельзя же назвать обѣщаніями тѣ ничтожныя уступки правительства, которыя, какъ песчинки терялись въ океанѣ народной нужды и горя, въ неутолимой жаждѣ крестьянства обладать землею. „Всю землю и всю волю для всего народа“—вотъ лозунгъ, который единодушно прозвучалъ во всѣхъ крестьянскихъ наказахъ, сотнями летѣвшихъ въ Бѣлый домъ Таврическаго дворца, гдѣ въ теченіе 72 дней происходила историческая борьба народныхъ депутатовъ съ бюрократіей. Въ этомъ движеніи, которое бурнымъ потокомъ захватило въ теченіе истекшаго и предыдущаго годовъ всю крестьянскую массу, правые и часть умѣренныхъ либераловъ обвиняютъ революціонныя партіи, но стоитъ только приглядѣться къ эволюціи, которую переживали эти партіи въ аграрномъ вопросѣ, чтобы понять, что крестьянское движеніе не нуждалось ни въ какой агитаціи, ни въ какомъ подстрекательствѣ. Лучшими агитаторами и подстрекателями явились малоземелье, голодъ и обнищаніе и дѣйствія бюрократіи. Единственно только этимъ и упорнымъ нежеланіемъ правительства удовлетворить вопіющую нужду крестьянъ въ землѣ были вызваны аграрныя волненія, прокатившіяся бурнымъ потокомъ по всей Россіи и вызвавшія со стороны правительства кровавыя расправы, при описаніи которыхъ содрагается сердце и не хочется вѣрить, что такъ поступало христіанское правительство христіанскаго государства.

Подъ вліяніемъ безысходной крестьянской нужды, бившей по сознанію каждаго мыслящаго человѣка, настроеніе общества стремительно лѣвѣло. Аграрный вопросъ составлялъ центральный пунктъ всѣхъ

политическихъ программъ. Идея національзаціи земли находила все большее число сторонниковъ. Партія соціалистовъ-революціонеровъ, ограничившаяся вначалѣ, въ качествѣ минимальной программы, требованіемъ расширенія правъ общинъ и союзовъ, экспропріаціи частновладѣльческихъ земель, конфискаціи монастырскихъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель, ограниченія платы за пользованіе землею размѣромъ чистаго дохода и обращенія ренты путемъ спеціальнаго налога въ доходную статью общинъ и органовъ самоуправленія, и даже допускавшая выкупъ, вскорѣ убѣдилась, что исполненіе этихъ требованій уже не удовлетворитъ широкіе слои крестьянства, и начала пропагандировать конфискацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель въ пользу всего трудового крестьянства, уничтоженіе поземельнаго налога, самостоятельное распоряженіе крестьянъ землею, самообложеніе крестьянъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ на нужды общежитія и т. п., словомъ,—программа-максимумъ, въ основу которой была положена идея соціализаціи земли, постепенно перешла у с-ровъ въ категорію ближайшихъ аграрныхъ требованій.

Еще болѣе рѣзкую эволюцію, подъ вліяніемъ событій, пережила программа соціалъ-демократической рабочей партіи. Стремясь къ устраненію остатковъ крѣпостного порядка и къ свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ, партія ограничивалась требованіемъ отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, падающихъ на крестьянство, какъ на податное сословіе, отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи землей, возвращенія крестьянамъ всѣхъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей, взятыхъ съ нихъ до настоящаго времени, и конфискаціи съ этою цѣлью монастырскихъ и церковныхъ имуществъ и имѣній удѣльныхъ, кабинетскихъ и при-

надлежащихъ лицамъ царской фамиліи, возвращенія крестьянамъ отрѣзковъ и предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявить недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ. Съ конца прошлаго года, партія уже высказывается за насильственный захватъ земель не въ однѣхъ только цѣляхъ обратнаго взысканія выплаченныхъ крестьянами выкупныхъ и оброчныхъ денегъ, а какъ за самостоятельный пунктъ аграрной программы Происходившій около этого времени III съѣздъ партіи принялъ даже резолюцію, которою всѣмъ партійнымъ организаціямъ поручается „пропагандировать въ широкихъ слояхъ народа, что соціалъ-демократія ставитъ своей задачей самую энергичную поддержку всѣхъ революціонныхъ мѣропріятій крестьянства, способныхъ улучшить его положеніе, вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель". Позиція, принятая въ этомъ случаѣ партіею, представляла крупное отступленіе отъ основныхъ задачъ соціалъ-демократіи, высказывавшейся противъ укрѣпленія мелкой собственности, и хотя этому отступленію былъ приданъ видъ тактическаго пріема, допускаемаго лишь на время революціи, тѣмъ не менѣе и сама партія не скрывала отъ себя, что принимая эту позицію, она дѣлала уступку настроенію крестьянскихъ массъ.

Даже такія умѣренныя либеральныя партіи, какъ партія народной свободы и партія демократическихъ реформъ, и тѣ въ своихъ аграрныхъ программахъ не нашли другого исхода, какъ отчужденіе государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ земель, хотя послѣднія предполагалось отчуждать „съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (нерыночной) оцѣнкѣ".

На всѣ эти требованія, реакціонныя партіи и

солидарные съ ними аграріи безъ обиняковъ отвѣчали обвиненіемъ въ демагогической агитаціи, въ стремленіи къ разрушенію благосостоянія Россіи и въ совершенной безпочвенности домогательствъ лѣвыхъ партій, состоящихъ изъ людей, далекихъ отъ земли, которые только потому высказываются за экспропріацію помѣщичьихъ земель, что имъ самимъ нечего терять.

Но только желаніе во что бы то ни стало удержать въ своихъ рукахъ землю, при помощи которой они эксплуатируютъ крестьянство, могло продиктовать имъ эти жалкіе аргументы. Жизнь безпощадно разбиваетъ ихъ скудную крѣпостническую философію, создавая на ихъ глазахъ такіе факты, которые служатъ лучшимъ доказательствомъ вздорности взводимыхъ на лѣвыя партіи обвиненій.

Напомнимъ всѣмъ апологетамъ аграрнаго эксплуататорства, что не одни агитаторы и распропагандированные ими несознательные крестьяне поддерживаютъ выставленныя лѣвыми партіями требованія. Эти требованія выставило само передовое крестьянство въ лицѣ Всероссійскаго крестьянскаго союза. Уже на учредительномъ съѣздѣ 31 іюля—1 августа 1905 г., гдѣ присутствовало болѣе 100 делегатовъ отъ 22 губерній, этотъ съѣздъ постановилъ, что земля должна считаться общею собственностью всего народа, что частная собственность на землю должна быть отмѣнена, что монастырскія, церковныя, удѣльныя, кабинетскія и государевы земли должны быть отобраны безъ выкупа, а у частныхъ владѣльцевъ земля должна быть отобрана частью за вознагражденіе, частью безъ вознагражденія, что подробныя условія перехода частновладѣльческихъ земель должны быть опредѣлены учредительнымъ собраніемъ, которое издастъ по этому поводу законъ *). Еще рѣши-

*) „Рус. Вѣд.“, № 1, за 1906 г.

тельнѣе высказался делегатскій съѣздъ союза, происходившій въ Москвѣ въ первой половинѣ ноября. Для скорѣйшей передачи земли народу, съѣздъ постановилъ: не покупать совершенно земли у владѣльцевъ, не брать ее въ аренду, не входить ни въ какіе другіе земельные договоры съ владѣльцами. Въ случаѣ, если требованія народа не будутъ исполнены, крестьянскій союзъ рѣшилъ прибѣгнуть къ общей забастовкѣ, именно, отказать хозяйствамъ всѣхъ наименованій въ рабочей силѣ и закрыть ихъ. На преслѣдованіе крестьянскаго союза, съѣздъ постановилъ: „Отвѣтить отказомъ въ уплатѣ податей и поставкѣ рекрутовъ и запаса, потребовать изъ сберегательныхъ банковъ всѣ свои вклады и крестьянскіе капиталы и закрыть всѣ винныя лавки“ *).

Наконецъ, трудовая группа Государственной Думы, составившаяся изъ депутатовъ, избранныхъ крестьянствомъ всей Россіи, включила въ свою программу постановленія, почти аналогичныя резолюціямъ крестьянскаго союза.

Таковы требованія всего крестьянства, всего русскаго народа, выразившаго ихъ черезъ своихъ представителей въ парламентѣ съ такою опредѣленностью, которая не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ, что народъ отъ нихъ не отступится. Какъ же отвѣтила бюрократія на эти требованія? Всѣмъ извѣстна декларація министерства Горемыкина, прочитанная 13 мая въ Г. Думѣ. На всѣ требованія земли, на всѣ заявленія о безысходной нуждѣ крестьянства министерство отвѣтило безстрастнымъ отказомъ — иначе нельзя назвать заявленіе его о томъ, что оно не допуститъ отчужденія частновладѣльческихъ земель. Товарищи г. Горемыкина гг. Гурко и Стишинскій, со смѣлостью людей, увѣренныхъ въ своей безотвѣтственности, развязно доказывали Думѣ, что крестьянству вовсе не ну-

*) Ibid.

жна земельная реформа, требуемая кадетами и трудовиками, что отчужденіе частновладѣльческихъ земель принесетъ крестьянамъ только вредъ и убытки и т. п. Дума съ негодованіемъ отвергла заявленія г. Горемыкина и его товарищей, и уже готова была вотировать законъ о надѣленіи крестьянъ землею, какъ того требовали интересы трудового крестьянства, но бюрократія осталась вѣрна своей программѣ и... заперла на замокъ россійскій парламентъ, стремившійся удовлетворить всенародную нужду. Аграрный вопросъ можно было считать покончennымъ.

Кабинетъ Горемыкина смѣнился кабинетомъ Столыпина. Г. Столыпинъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ аграрныхъ мѣропріятій, на умиротворительную роль которыхъ, повидимому, возлагаются большія надежды. Такъ, въ концѣ августа изданъ законъ о продажѣ крестьянамъ части удѣльныхъ оброчныхъ статей; 19 сентября опубликовано объ уступкѣ съ этою же цѣлью кабинетскихъ земель Алтайскаго округа, а въ правительственномъ сообщеніи отъ 24 августа заявлено о томъ, что вопросъ объ увеличеніи крестьянскаго земелевладѣнія разрабатывается правительствомъ въ ряду вопросовъ первостепенной важности. Какъ эти акты и заявленія, такъ и манифестъ 3 ноября 1905 г. и законъ о землеустроительныхъ комиссіяхъ, изданный еще до созыва Думы, не оставляли сомнѣній въ томъ, что нужда крестьянства въ землѣ если и будетъ удовлетворена правительствомъ, то лишь отчасти и въ очень отдаленномъ будущемъ и, притомъ, на такихъ условіяхъ и основаніяхъ, которыя очень далеки отъ предъявленныхъ народомъ требованій и намѣреній народныхъ представителей: принципъ частной собственности на землю остается неприкосновеннымъ и, слѣдовательно, лучшіи земли—помѣщичьи—отойдутъ къ крестьянству лишь постольку, поскольку этого пожелаютъ

сами помѣщики, и, притомъ, на условіяхъ покупки крестьянами земли черезъ крестьянскій банкъ; удѣльныя и кабинетскія земли отойдутъ къ крестьянамъ также лишь отчасти, причемъ, удѣльныя—лишь по окончаніи арендныхъ на нихъ договоровъ, кабинетскія — лишь въ Сибири, тѣ и другія, опять таки — на условіяхъ покупки ихъ крестьянами. Дальнѣйшее законодательствованіе Столыпина въ области аргарныхъ отношеній, однако, заставило страну убѣдиться, что крестьянству со стороны бюрократіи грозитъ гораздо большая опасность, чѣмъ отказъ въ даровой прирѣзкѣ земли и въ отчужденіи ея отъ помѣщиковъ, именно, опасность полнаго разрушенія хозяйственныхъ отношеній въ деревнѣ и обнищанія болѣе слабыхъ экономически слоевъ крестьянства.

Закономъ 9 ноября, изданнымъ въ порядкѣ статьи 87 Осн. Законовъ, членамъ крестьянской общины предоставлено право выдѣла изъ общины, а закономъ 15 ноября выдѣленныя земли предоставлено закладывать въ крестьянскомъ зем. банкѣ, какъ частную собственность. Эти законы, имѣвшіе цѣлью укрѣпить въ крестьянствѣ идею частной собственности, въ противовѣсъ требованіямъ Думы о принудительномъ отчужденіи земли, и, разслоивъ крестьянство, посѣять между разными его слоями рознь, что бы такимъ путемъ отвлечь крестьянъ отъ аграрныхъ волненій—вызвали негодованіе всѣхъ политическихъ партій: соціалисты-революціонеры и народные соціалисты—какъ защитники цѣлости общины, соціалъ-демократы—какъ сторонники пролетаризаціи крестьянства, кадеты и трудовики—всѣ сходились въ отрицательной оцѣнкѣ этихъ актовъ грубаго вторженія бюрократіи въ народную жизнь, вносящаго лишь смуту въ крестьянскую среду и отдающаго ее въ еще большую кабалу „хозяйственнымъ мужичкамъ“ и міроѣдамъ.

Итакъ, мы видимъ, что и въ самомъ жгучемъ—аграрномъ — вопросѣ бюрократія осталась вѣрна себѣ и, вмѣсто прямого пути коренной земельной реформы, которая одна только могла умиротворить населеніе, пошла по окольному пути оттяжекъ, обѣщаній, половинчатыхъ мѣръ, способныхъ не разрѣшить кризисъ, а лишь затянуть его на долгое время, а затѣмъ не остановилась и передъ явной попыткой создать весьма вредное для страны разслоеніе ея основнаго населенія—крестьянства. Характерно, что такой взглядъ на аграрную политику правительства высказываютъ не однѣ крайнія партіи и трудовики, аграрная программа которыхъ приводитъ въ ужасъ всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ и „мирныхъ собственниковъ“, но и лойяльные кадеты. О томъ, какъ возмущаютъ эту партію аграрные фокусы кабинета г. Столыпина, лучше всего свидѣтельствуетъ резолюція, принятая на сентябрьскомъ съѣздѣ кадетовъ въ Гельсингфорсѣ. Резолюція эта, предложенная бывшимъ министромъ земледѣлія въ кабинетѣ графа Витте, Н. Н. Кутлеромъ даетъ настолько мѣткую и вѣрную характеристику послѣднихъ мѣропріятій правительства по „надѣленію“ крестьянъ землею, что мы приведемъ ея критическую часть цѣликомъ: *)

1. Указы 12 и 27 августа и 19 сентября о передачѣ крестьянамъ казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель являются несомнѣннымъ вторженіемъ въ предѣлы правъ народнаго представительства даже въ томъ ограниченномъ ихъ объемѣ, въ какомъ они установлены основными законами 23 апрѣля.

2. Предначертанная указами 12 августа и 19 сентября возмездная уступка удѣльныхъ и кабинетскихъ земель идетъ рѣшительно въ разрѣзъ съ предположеніями Государственной Думы, едино-

*) „Вѣстн. Пар. Нар. Своб.“ № 30 за 1906 г.

душно признавшей земли той и другой категоріи подлежащими отчужденію въ государственный земельный запасъ безъ какого-либо вознагражденія кабинета и удѣльнаго вѣдомства.

3. Не связанная съ другими болѣе широкими мѣрами расширенія землевладѣнія трудового земледѣльческаго населенія и лишенная необходимой планомѣрности, распродажа казенныхъ и удѣльныхъ земель по указамъ 12 и 27 августа грозитъ нецѣлесообразной растратой цѣннаго государственнаго достоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—огромными затратами на безцѣльныя передвиженія и ненужной ломкой сотенъ тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ. Примѣненіе при оцѣнкѣ правилъ крестьянскаго банка приведетъ къ преувеличенію продажныхъ цѣнъ и тяжело отразится на интересахъ покупщиковъ.

4. Усиленная скупка крестьянскимъ банкомъ владѣльческихъ земель на основѣ соглашенія съ владѣльцами, способствуя поддержанію и даже дальнѣйшему возрастанію и безъ того чрезмѣрныхъ земельныхъ цѣнъ, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ возложеніе или на будущихъ покупщиковъ, или на государство непосильныхъ тягостей къ исключительной выгодѣ землевладѣльческаго класса. Распродажа банкомъ, непосредственно или черезъ правительственныя землеустроительныя комиссіи, скупаемыхъ имъ земель не давала бы никакой гарантіи правильнаго ихъ распредѣленія между нуждающимся въ землѣ населеніемъ и способствовала бы сосредоточенію ихъ въ рукахъ одной только болѣе состоятельной его части.

5. Образуемыя по указу 10 марта землеустроительныя комиссіи, будучи учрежденіями бюрократически-землевладѣльческаго характера и не пользуясь довѣріемъ населенія, не обезпечиваютъ сколько-нибудь цѣлесообразнаго проведенія въ жизнь землеустроительныхъ мѣропріятій даже въ

тѣхъ границахъ, въ какія они поставлены дѣйствующими законами и послѣдовавшими по распущеніи Думы указами.

6. Вся вообще совокупность новѣйшихъ мѣропріятій въ аграрной области направлена не столько къ дѣйствительно планомѣрному и цѣлесообразному удовлетворенію народныхъ нуждъ, сколько къ возстановленію въ крестьянской средѣ авторитета устарѣлаго бюрократическаго строя и довѣрія къ нему.

* * *

Но и безъ этой разрушительной критики, намѣренія правительства ясны для каждаго, кто внимательно просмотрѣлъ изданные имъ аграрные законы. Въ каждой буквѣ ихъ сквозитъ полное равнодушіе къ интересамъ крестьянскаго населенія, къ острой крестьянской нуждѣ, и конечно, всякій пойметъ, что не съ цѣлью ихъ удовлетворенія издалъ г. Столыпинъ свои законы. А для тѣхъ, кто еще питалъ какія-нибудь иллюзіи на этотъ счетъ, намѣренія правительства стали совершенно ясны съ того момента, какъ всплыло Гурко-Лидвалевское позорище. Въ самый разгаръ крестьянскаго голода, когда почти половина сельской Россіи изнемогала отъ недостатка пищи и отъ развившихся вслѣдствіе этого эпидемій, обнаружилось, что завѣдывавшій продовольственнымъ дѣломъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко самовластно сдалъ поставку хлѣба на сумму около 10 мил. рублей нѣкоему Лидвалю, извѣстному до тѣхъ поръ, какъ содержатель игорныхъ притоновъ и ярмарочныхъ кафешантановъ, причемъ, вопреки всѣмъ требованіямъ закона, г. Гурко выдалъ этому господину колоссальный авансъ въ 800 тыс. р. (а по другимъ свѣдѣніямъ — въ 1,500,000 р.) вмѣсто того, чтобы потребовать отъ него залогъ въ видѣ

гарантіи въ выполненіи принятаго на себя обязательства. Результатомъ этого было то, что г. Лидваль поставки хлѣба въ срокъ не выполнилъ, а между тѣмъ, мѣстности, куда онъ долженъ былъ доставить хлѣбъ, уже давно страдаютъ отъ недостатка хлѣба, и имъ, по винѣ гг. Гурко и Лидваля, приходится переживать небывавалые ужасы голода, доходящіе до голодной смерти и продажи голодающими собственныхъ дѣтей, какъ это зарегистровано въ Казанской губ.

Взрывъ общественнаго негодованія по поводу этой исторіи былъ такъ великъ, что правительство вынуждено было назначить разслѣдованіе дѣйствій г. Гурко и его сообщниковъ. Какъ ни неблагопріятно для интересовъ общества было обставлено это разслѣдованіе (слѣдственная комиссія была почти вся составлена изъ крупныхъ бюрократовъ и работала при полномъ отсутствіи гласности), какъ ни старалась реакціонная партія замять это дѣло,— преступленія были такъ очевидны, что замолчать или оправдать ихъ было невозможно. Опубликованный въ началѣ января всеподданнѣйшій докладъ слѣдственной коммиссіи, хотя и въ весьма мягкой формѣ, совершенно ясно устанавливаетъ „преступныя по службѣ дѣянія“ г. Гурко и управляющаго земскимъ отдѣломъ д. с. с. Литвинова, а въ дѣйствіяхъ нижегород. губернатора бар. Фредерикса, получившаго отъ Лидваля 25,000 фр., Госуд. Совѣтъ установилъ даже „лихоимство“. Въ своемъ докладѣ слѣдственная коммиссія приходитъ къ совершенно опредѣленному заключенію, что „дѣйствія товарища министра вн. дѣлъ Гурки и управляющаго земскимъ отдѣломъ Литвинова заключаютъ въ себѣ признаки дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ уложеніи о наказаніяхъ въ ряду преступленій и проступковъ по службѣ государственной и общественной, за которыя по законамъ

положены наказанія, въ томъ числѣ и налагаемыя не иначе, какъ по суду".

Послѣ такого заключенія, ничего не оставалось, какъ дать дѣлу законный ходъ, на что послѣдовало согласіе Государя. Дѣло Гурко и Литвинова передано въ первый департаментъ государственнаго совѣта, а—барона Фредерикса и др. нижегородскихъ властей—въ сенатъ.

Каковъ бы приговоръ этихъ высшихъ судилищъ ни былъ, онъ ничего не прибавитъ къ оцѣнкѣ дѣятельности гг. Гурко и К°. Ихъ эпопея сама по себѣ служитъ яркою характеристикою того, что можетъ ждать народъ отъ бюрократіи, дѣйствующей произвольно и безконтрольно. По этому поводу, невольно припоминается сцена, разыгравшаяся въ Государственной Думѣ во время обсужденія законопроекта объ асигнованіи средствъ на оказаніе продовольственной помощи. Депутатъ Аладьинъ, высказываясь за ассигнованіе 15 мил. рублей, настаивалъ на томъ, чтобы продовольственное дѣло было изъято изъ рукъ правительства, такъ какъ въ противномъ случаѣ ассигнуемыя деньги будутъ разворованы. Г. Столыпинъ съ негодованіемъ заявилъ на это, что предположенія депутата Аладьина—клевета. Послѣ этого инцидента прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а кабинетъ г. Столыпина не замедлилъ дать самыя яркія доказательства правоты г. Аладьина. Бывшій же депутатъ поплатился за свою прозорливость тѣмъ, что не былъ внесенъ въ избирательные списки.

VI.

Мы подошли къ послѣднему пункту обѣщаній манифеста 17 октября: „Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной

Думы и чтобы выборнымъ отъ народа была обезпечена возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ насъ властей". Если въ дѣйствіяхъ правительства по поводу всѣхъ предыдущихъ обѣщаній манифеста иногда проскальзываетъ хоть какой-нибудь намекъ на желаніе его если не исполнить эти обѣщанія, то хотя внушить мысль, что оно къ этому стремится, то въ отношеніи только что приведеннаго нами обѣщанія не было даже и такого желанія: вся законодательная дѣятельность правительства за истекшій годъ была явнымъ нарушеніемъ манифеста. Исторія нашего законодательства никогда не знала такого обилія законовъ по самымъ важнымъ отраслямъ государственной жизни, какое далъ истекшій годъ. Обронивъ обѣщаніе предоставить Думѣ право законодательства, правительство какъ бы спѣшило издать канцелярскимъ путемъ какъ можно больше законовъ, чтобы Дума не успѣла осуществить свою законодательную власть въ важнѣйшихъ вопросахъ. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить поспѣшность, съ какою были изданы важнѣйшіе законы, составляющіе основу нашей конституціи: законъ 20 февраля объ учрежденіи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта съ предшествующимъ ему Высочайшимъ манифестомъ, и основные государственные законы, изданные 23 апрѣля. Первымъ изъ этихъ законовъ, Государственному Совѣту, представляющему минимальные элементы народнаго представительства въ видѣ одной только половины выборныхъ на основахъ высокаго ценза представителей православнаго духовенства, дворянства, земства, науки, торговли и промышленности, предоставлены одинаковыя съ Госуд. Думою права, чѣмъ, несомнѣнно, умаляются права народнаго представительства, выраженнаго въ Думѣ; такъ, рѣшенія Думы, по новому закону,

могутъ быть отвергнуты этимъ полубюрократическимъ учрежденіемъ. Но помимо того, законъ предоставляетъ совѣту министровъ полную свободу законодательствованія въ то время, когда Дума не функціонируетъ, и хотя онъ оговаривается, что законы, изданные такимъ образомъ, должны имѣть временный характеръ и могутъ быть отвергнуты Думою и Совѣтомъ и во всякомъ случаѣ, теряютъ свою силу черезъ 2 мѣсяца по созывѣ парламента, но опытъ показалъ, что эта оговорка никакого значенія не имѣетъ: несмотря на то, что Дума была создана и функціонировала болѣе двухъ мѣсяцевъ, ни одинъ изъ временныхъ законовъ, изданныхъ бюрократическимъ путемъ, досихъ поръ не былъ отмѣненъ и всѣ акты министерствъ Витте и Горемыкина остаются въ силѣ и донынѣ.

Не менѣе ограничительное значеніе даже для такого узкаго, какъ нашъ, народнаго представительства, имѣютъ и основные законы 23 апрѣля. Такъ, статьею 11 совѣту министровъ, хотя и съ согласія государя („въ порядкѣ верховнаго управленія“) предоставляется несомнѣнное право издавать законы помимо Думы не только въ періодъ ея роспуска, но даже во время ея сессій, причемъ— по такимъ важнымъ отраслямъ, какъ устройство государственнаго управленія, огражденіе безопасности и порядка, обезпеченіе народнаго благосостоянія. Ст. 15 лишаетъ Думу права высказываться по вопросамъ объ объявленіи какой либо мѣстности на военномъ или исключительномъ положеніи, такъ какъ это право предоставлено верховной власти. Верховной же власти предоставлено назначеніе и увольненіе, помимо Думы, всѣхъ должностныхъ лицъ (ст. 17). Ст. 54 и 55 изымаютъ изъ общаго порядка такія области законодательства, какъ постановленія по строевой, технической и хозяйственной частямъ, положенія и наказы

учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ, постановленія по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ. Наконецъ, основными законами не установлено обычной конституціонной гарантіи—отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ: какъ во времена самодержавія, министры отвѣтственны только передъ государемъ.

Какъ мало гарантій свободнаго проявленія народной воли въ законодательствѣ представляютъ разсмотрѣнные законы, въ этомъ можно было убѣдиться во время функціонированія Государственной Думы. Ни одинъ изъ множества изданныхъ правительствомъ съ 17 октября временныхъ законовъ не былъ внесенъ на утвержденіе Думы не только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, какъ это требуется закономъ, но даже по истеченіи этого срока правительство не позаботилось не только внести временные законы, но хотя-бы выработать и внести въ Думу, взамѣнъ ихъ, проекты постоянныхъ законовъ по главнѣйшимъ пунктамъ обѣщаній манифеста 17 октября. Равнымъ образомъ, дѣйствіе временныхъ законовъ не только не прекратилось по истеченіи двухъ мѣсяцевъ со дня созыва Думы, но во время сессій ея не переставали издаваться помимо Думы и новые законы, хотя и съ помѣткою 26 апрѣля, т. е. дня, предшествовавшаго созыву Думы. Какъ бы въ насмѣшку надъ усиліями депутатовъ какъ можно скорѣе привести въ дѣйствіе законодательную машину и издать законы, ограждающіе населеніе отъ самодержавія бюрократіи, терроризовавшей страну исключительными законами, правительство медлило внесеніемъ въ Думу обѣщанныхъ законопроектовъ; за время съ 12 мая по 6 іюня оно внесло всего 7 законопроектовъ, но среди нихъ не было ни одного, направленнаго къ осуществленію обѣщаній 17 октября; зато, въ первую очередь были

внесены такіе законопроекты, какъ, напр., „объ отпускѣ 40,029 р. 49 к. на перестройку пальмовой оранжереи и сооруженіе клинической прачешной при юрьевскомъ университетѣ“.

Между тѣмъ, страна была опутана густой сѣтью исключительныхъ законовъ, отдавшихъ все населеніе на совершенный произволъ властей. Въ этомъ отношеніи указъ 29 ноября, которымъ предоставляется мѣстной администраціи, „на случай прекращенія желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній“ или даже замѣшательства въ нихъ, объявлять мѣстности, находящіяся въ ихъ управленіи, на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны и даже на военномъ положеніи, превзошелъ все, что извѣстно до сихъ поръ въ исторіи расширенія полномочій администраціи. По ст. 9 изданнаго 25 лѣтъ тому назадъ „Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка“, чрезвычайная охрана вводится только Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ законъ, представлявшій собою послѣднее слово административной мудрости во времена злѣйшей реакціи, былъ признанъ неудовлетворительнымъ послѣ конституціонныхъ обѣщаній и указомъ 29 ноября власть, принадлежавшая государю, была ввѣрена каждому губернатору и генералъ-губернатору; Россія была раздѣлена на столько самодержавныхъ монархій, сколько было въ ней губерній и ген. губернаторствъ и градоначальствъ. Разумѣется, большинство новоиспеченныхъ царьковъ широко воспользовалось данными имъ полномочіями, и въ настоящее время изъ 89 губерній только 2 или 3 не находятся въ исключительномъ положеніи: тамъ, гдѣ царьки не хотѣли или не могли воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, тамъ само правительство ввело усиленную или чрезвы-

чайную охрану или военное положеніе. Прежде всѣхъ, новымъ закономъ воспользовался московскій ген.-губернаторъ Дубасовъ, объявившій Москву на положеніи чрезвычайной охраны. Всѣ революціонныя бури въ этой столицѣ уже давно пронеслись, а она все еще томится въ тискахъ исключительнаго положенія.

Убійственный, въ буквальномъ значеніи этого слова, смыслъ указа 29 ноября особенно сильно подчеркнутъ новымъ, совсѣмъ недавнимъ произведеніемъ административной юстиціи, закономъ 19 августа о военно-полевыхъ судахъ. Предоставляя усмотрѣнію главноначальствующихъ и ген.-губернаторовъ всѣхъ мѣстностей, находящихся на положеніи чрезвычайной охраны или военномъ, преданіе военно-полевому суду почти за всякое преступленіе или нападеніе, законъ 19 августа отдаетъ въ руки сотни администраторовъ жизнь населенія буквально всей Россіи, такъ какъ никакимъ обжалованіямъ такое усмотрѣніе не подлежитъ. Какъ широкъ просторъ административнаго усмотрѣнія на основаніи закона 19 августа, можно судить потому, что, какъ это разъяснено недавно, военно-полевому суду могутъ быть преданы лица, совершившіе даже не преступленіе, а совершенно ненаказуемый уголовнымъ закономъ поступокъ, вродѣ организаціи стачекъ. Но практика примѣненія этого гибельнаго закона пошла еще дальше: въ началѣ ноября въ газетахъ была напечатана телеграмма изъ Керчи, сообщавшая о томъ, что задержанный за разбрасываніе прокламацій Дахне предается военно-полевому-суду. Несмотря на то, что со времени опубликованія этого закона прошло не болѣе 5 мѣсяцевъ, онъ залилъ Россію потоками крови: за это время военно-полевыми судами казнено уже 600 человѣкъ, среди которыхъ едва ли можно насчитать хоть нѣсколько человѣкъ, заслуживающихъ по своей преступности отнятія у

нихъ жизни, даже съ точки зрѣнія защитниковъ смертной казни. Казалось бы, дальше того произвола въ распоряженіи человѣческой жизнью, который предоставленъ мѣстнымъ царькамъ закономъ о военно-полевыхъ судахъ, идти некуда, но неукротимая жажда крови повела нѣкоторыхъ администраторовъ гораздо дальше, давъ имъ смѣлость грубо нарушать даже этотъ „законъ“. 24 сентября въ военно-полевомъ судѣ въ Ригѣ судились за грабежи Смургисъ, Нетта, Красовскій, Дрейманъ и Кальнинъ. Двое изъ нихъ были присуждены къ 20 лѣтней каторгѣ, а трое оправданы. Кровь на этотъ разъ не была пролита военно-полевымъ судомъ. Этого никакъ не могъ переварить прибалтійскій ген.-губернаторъ Сологубъ. Онъ во что бы то нистало хотѣлъ пролитія крови и ради этого совершилъ самое беззастѣнчивое правонарушеніе. Въ статьѣ 5 раздѣла I закона 19 августа сказано, что приговоры военно-полевыхъ судовъ вступаютъ въ законную силу немедленно по объявленіи на судѣ, и никакому обжалованію, ни отмѣнѣ не подлежатъ. Но ген.-Сологубъ хотѣлъ смертнаго приговора и... *отмѣнилъ* „мягкій“ приговоръ, передавъ дѣло снова на разсмотрѣніе военно-полевого же суда. Послѣдній не посмѣлъ вторично обойтись безъ крови и, оправдавъ одного только Кальнина, остальныхъ 4 подсудимыхъ приговорилъ къ повѣшенію.

У ген. Сологуба вскорѣ нашлись подражатели. Въ Севастополѣ судили военно-полевымъ судомъ нѣкоего Суркова, обвинявшагося въ покушеніи на жизнь ген. Думбадзе. Судъ призналъ обвиненіе недоказаннымъ и оправдалъ Суркова. По закону 19 августа, Сурковъ подлежалъ немедленному освобожденію послѣ этого, но севастопольской власти нужна была кровь Суркова, и законъ былъ снова безцеремонно нарушенъ: Сурковъ не только не былъ освобожденъ, но вновь преданъ суду,

уже военно-окружному. Ни Прибалтійскій, ни Севастопольскій царьки, конечно, не были преданы суду за это попраніе закона—правительство, вѣдь, и само, несомнѣнно, солидарно съ ними. Для соблюденія декорума, оно выпустило пространное разъясненіе о томъ, какъ нужно пользоваться этимъ кровавымъ изобрѣтеніемъ „либеральнѣйшаго“ г. Столыпина и даже упомянуло въ своемъ разъясненіи о допущенныхъ „въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ“ „ошибкахъ“ и „различномъ пониманіи закона“, но вернетъ ли это разъясненіе жизнь, отнятую мстительною волею генерала Сологуба у трехъ его жертвъ и оградитъ ли оно отъ такихъ администраторовъ будущія жертвы!

Но не одни кровожадность и самодурство администраторовъ дѣлаютъ изъ военно-полевыхъ судовъ орудіе самаго обыкновеннаго убійства. Скорорѣшительность, поставленная въ основу дѣятельности этого ужаснаго института, часто не дающая военно-полевымъ судьямъ даже разглядѣть лица обвиняемыхъ, уже не разъ была причиною „судебныхъ“ ошибокъ. Такъ, въ концѣ сентября въ Москвѣ былъ преданъ военно-полевому суду за нападенія на городовыхъ и цѣлый рядъ ограбленій „нѣкій Звѣревъ“. Судъ приговорилъ его къ повѣшенію, и приговоръ этотъ былъ тотчасъ же исполненъ. Черезъ нѣсколько дней въ печати появилось сообщеніе о томъ, что „департаментъ полиціи донесъ совѣту министровъ, что московскій военно-полевой судъ, не допросивъ Звѣрева по тѣмъ обвиненіямъ, по которымъ онъ былъ преданъ смертной казни, судилъ его безъ информаціоннаго обвинительнаго матеріала. По полученнымъ департаментомъ полиціи свѣдѣніямъ, нападеніе на городовыхъ и цѣлый рядъ ограбленій принадлежатъ не Звѣреву, а нѣкоему крестьянину Николаю Дементьеву Попову, который, по свѣдѣніямъ того же департамента, скрылся за границу“. („Товар.“, 10 окт.).

Болѣе мѣсяца прошло со времени этого сообщенія и общество, не видя опроверженій, убѣдилось въ ужасной его правдивости. Но вотъ 12 ноября въ „Товарищѣ“ появилось, печатаемое „на основаніи ст. 138 уст. о ценз. и печати“, правительственное „опроверженіе“, въ которомъ заявляется, что Звѣревъ осужденъ не за тѣ преступленія, о которыхъ говорится въ выше приведенной замѣткѣ, а за то, что 1 сентября сего года, будучи преслѣдуемъ городовыми съ цѣлью задержанія его, *произвелъ въ одного изъ нихъ*, а именно городового Сергѣева, *выстрѣлъ изъ револьвера, которымъ пробилъ борты мундира Сергѣева* и поранилъ своего товарища“.

Отъ этого „опроверженія“ вѣетъ ужасомъ смерти. Оставляя въ сторонѣ его запоздалость и недоумѣніе, почему понадобилось болѣе мѣсяца для того, чтобы опровергнуть столь важное сообщеніе, мы не можемъ примириться съ тѣмъ взглядомъ, который положенъ авторами въ основу опроверженія: въ постановленіи суда не было формальной ошибки: Звѣревъ казненъ, какъ Звѣревъ, а не какъ Николаевъ. Но за что казненъ? *За то, что прострѣлилъ борты мундира городового Сергѣева!*

Поистинѣ, такое опроверженіе стоитъ хорошаго обвиненія.

Но еще болѣе характерный для военно-полевой юстиціи случай произошелъ въ концѣ октября прошлаго года. Предоставимъ разсказать объ этомъ самому телеграфному агентству. Вотъ его телеграмма („Товар.“, 29 окт.):

Лодзь, 28 октября. Съ 25 на 26 октября полевой судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе Сковронскаго и Котелка, обвиненныхъ въ стрѣльбѣ со двора дома въ проходившій въ Пабіаницахъ патруль. Въ качествѣ переводчика при разборѣ дѣла былъ назначенъ начальникъ слѣдственной полиціи Николаевъ. На обвиняемыхъ

приговоръ произвелъ сильное впечатлѣніе. Это замѣтилъ Николаевъ и, подозрѣвая, что подсудимые скрываютъ что-то, отправился къ нимъ въ камеру. Приговоренные объяснили Николаеву, что были ошеломлены неожиданнымъ приговоромъ, такъ какъ они невиновны: стрѣлялъ на дворѣ нѣкій Анчакъ, владѣлецъ револьвера и, если бы знали, что будетъ такой приговоръ, то сразу сказали бы правду на судѣ. Николаевъ отправился къ начальнику гарнизона и доложилъ ему о слышанномъ. Начальникъ далъ 24 часа времени для производства слѣдствія. Николаевъ съ полиціей отправился въ Пабіаницы, гдѣ убѣдился, что выстрѣлъ былъ произведенъ не по направленію патруля, а въ противоположную сторону, гдѣ пуля пробила стѣну, и что такимъ образомъ выстрѣлъ былъ произведенъ Анчакомъ не въ патруль. Сегодня отправлена на Высочайшее имя телеграмма съ всеподданѣйшимъ ходатайствомъ объ отмѣнѣ приговора (РА).

„Преступники“ были „помилованы“ Государемъ.

Но вернемся къ „законодательной“ дѣятельности правительства.

За указомъ 29 ноября послѣдовалъ указъ о порядкѣ объявленія въ положеніи чрезвычайной охраны желѣзныхъ дорогъ. 24 ноября Высочайше утверждена меморія совѣта министровъ, которою ген.-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ предоставлено въ мѣстностяхъ, необъявленныхъ въ исключительномъ положеніи, издавать обязательныя постановленія о порядкѣ храненія и продажи огнестрѣльнаго оружія и налагать административныя взысканія за нарушеніе этого порядка; также меморіей воспрещенъ привозъ оружія изъ-за границы и Финляндіи. 8 марта изданъ указъ объ огражденіи свободы и правильности выборовъ въ Думу и Госуд. Совѣтъ. Почти передъ самымъ созывомъ Думы появился законъ о коми-

тетѣ финансовъ, ограничивающій право Думы осуществлять контроль государственнаго бюджета. Наконецъ, совершенно недавно опубликованы законы: объ усиленіи отвѣтственности за распространеніе среди войскъ противоправительственныхъ ученій (въ августѣ) и объ отвѣтственности за упорное уклоненіе отъ отбыванія воинской повинности. Было бы невозможно перечислить всѣхъ законодательныхъ актовъ, обогатившихъ страну съ 17 октября. Отличительными чертами почти всѣхъ законовъ этой эпохи являются ихъ репрессивный характеръ и антиконституціонное ихъ происхожденіе—ни одинъ изъ вышедшихъ съ 17 октября законовъ не былъ ни разсмотрѣнъ, ни санкціонированъ Думою. Изъ законовъ, не носившихъ характера репрессій или нарушенія правъ населенія, можно отмѣтить лишь манифестъ 3 ноября объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей, амнистію 21 октября (хотя и не полную), манифестъ 22 октября, предоставляющій финляндскому сенату право выработать проектъ демократической конституціи для Финляндіи и созвать для этой же цѣли сеймъ.

VII.

Мы далеко не исчерпали всего арсенала, которымъ вело и ведетъ правительство войну съ народомъ, борющимся за свободу. Военные и военно-полевые суды, военныя экзекуціи и карательныя экспедиціи, смертныя казни, истязанія, тюрьмы, ссылки, разореніе и сожженіе цѣлыхъ селеній и т. п.—въ теченіе всего конституціоннаго года были главными средствами, при помощи которыхъ правительство старалось заставить страну отказаться отъ требованій выполненія обѣщаній манифеста. Совершенно невозможно даже приблизительно опредѣлить, сколько людей пало жертвами этой

небывалой по своей ожесточенности борьбы. Однѣхъ только казней за время съ января по октябрь 1906 года было совершено, судя по отмѣткамъ „Былого“, болѣе 1320; съ іюля число казней, благодаря возстаніямъ въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ и введенію военно-полевыхъ судовъ, сильно увеличилось; такъ, черезъ нѣсколько дней послѣ возстанія было казнено 17 участниковъ свеаборгскаго и 19 кронштадтскаго возстаній и 7 нижнихъ чиновъ въ Кронштадтѣ и 3 офицера въ Свеаборгѣ казнены были по тому же дѣлу ранѣе; до января одно только московское возстаніе дало нѣсколько сотъ казней, совершенныхъ карательными отрядами въ Москвѣ и подъ Москвою. А сколько жизней погибло при столкновеніяхъ съ войсками! Газета „Свобода и Жизнь“ за одинъ только прошедшій годъ насчитала на основаніи опубликованныхъ офиціальныхъ и офиціозныхъ данныхъ 14,130 чел. убитыхъ и 19,524 раненыхъ; о числѣ же борцовъ за свободу, отправленныхъ въ каторгу, на поселеніе, въ ссылку, въ тюрьмы и т. п. даже не принято и говорить—такимъ пустякомъ представляются эти кары въ сравненіи съ рѣками пролитой крови. Правительство рѣшительно потеряло мѣру въ своемъ мстительномъ ожесточеніи и часто проливало кровь даже не въ интересахъ правосудія и поддержанія порядка, а съ цѣлью устрашить страну и показать ей, что у него имѣется еще достаточно рѣшимости для пролитія крови ради подавленія революціи. Ничѣмъ инымъ, какъ такою тактикою, нельзя объяснить казнь несчастнаго лейтенанта Шмидта, все преступленіе котораго заключалось въ томъ, что онъ боролся за осуществленіе обѣщаній, данныхъ 17 октября. А сколько казней еще болѣе безсмысленныхъ и жестокихъ было совершено въ Сибири, на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ; преступленія приговоренныхъ къ смерти въ этихъ мѣстностяхъ нерѣдко состояли

лишь въ напечатаніи въ легальной газетѣ легальной статьи (дѣло Окунцова и др.), въ знакомствахъ или родствѣ съ революціонерами (Московско-Каз. жел. дор. и Прибалт. край) и т. п.!

Чѣмъ свирѣпѣе подавляло правительство общественное движеніе, тѣмъ оно разросталось сильнѣе и шире. На безсудныя казни, экзекуціи, истязанія и разореніе революціонеры отвѣчали терроромъ. За казнь Шмидта и расправу съ севастопольскими повстанцами былъ убитъ адмиралъ Чухнинъ, за разстрѣлы невинныхъ людей во время московскаго возстанія раненъ ген.-губернаторъ Дубасовъ, за истязаніе саратовскихъ крестьянъ убитъ ген. Сахаровъ, за звѣрскую расправу съ крестьянами, участвовавшими въ аграрныхъ безпорядкахъ, убиты губернскіе совѣтники Луженовскій и Филоновъ, за погромы въ Твери и Екатеринославѣ убиты губ. Слѣпцовъ и ген.-губ. Желтоновскій, за кровь, рѣками пролитую подъ Москвою, убитъ командиръ семеновскаго полка ген. Минъ; варшавскій ген.-губ. Скалонъ былъ осыпанъ 5 августа дождемъ бомбъ, которыми революціонеры мстили ему за военное положеніе, желѣзнымъ прессомъ давящее уже цѣлый годъ все населеніе края; кавказскіе усмирители Алихановъ, Тимофеевъ, Грязновъ, минскій губ. Курловъ, разстрѣливавшій 18 октября толпу и обвиняемый въ допущеніи въ Минскѣ погрома, тамбовскій вицегуб. Богдановичъ, черниговскій губ. Хвостовъ, генералы Лисовскій, Прозоровскій, Маркграфскій, Думбадзе, Неплюевъ, Швейковскій, множество полиціймейстеровъ, жандармовъ и разныхъ другихъ высшихъ чиновъ правительства подверглись покушеніямъ со стороны террористовъ и были или убиты, или ранены, или просто отдѣлались испугомъ. Почти на каждое выдающееся проявленіе жестокости со стороны администраціи революціонеры отвѣчали покушеніями на виновниковъ. За

короткій промежутокъ времени съ февраля 1905 г. по май 1906 г., по сдѣланному „Практич. Врачемъ“ подсчету, было убито или тяжело ранено 34 ген.-губернатора, губернатора и градоначальника, 242 полиціймейстеровъ, исправниковъ, приставовъ и т. п., а всего 1244 всѣхъ представителей правительственной власти. Эта борьба не только не ослабѣла со времени роспуска Думы, но приняла еще болѣе широкіе размѣры. Такъ, однимъ изъ самыхъ ужасныхъ по своимъ послѣдствіямъ покушеній террористовъ послѣ 8 іюля былъ взрывъ бомбы на дачѣ министра П. А. Столыпина; этимъ взрывомъ было убито до 30 лицъ и множество ранено.

Затѣмъ слѣдовали убійства С.-Петербургскаго градоначальника генерала фонъ-деръ-Лауница, графа А. П. Игнатьева, главнаго военнаго прокурора ген. Павлова, ген.-губ. Литвинова и т. д. Но не однимъ терроромъ отвѣчало населеніе на правительственный терроръ. Освободительное движеніе охватило такіе широкіе слои населенія, что цѣлыя области и города вступили съ правительствомъ въ ожесточенную войну, расплачиваясь за это впослѣдствіи массою жизней. За короткій промежутокъ истекшаго года, Россія была охвачена пожаромъ вооруженныхъ востаній въ Севастополѣ, Кронштадтѣ, Москвѣ, Ростовѣ-на-Дону, Прибалтійскомъ краѣ, Новороссійскѣ, Грузіи, Свеаборгѣ, снова въ Кронштадтѣ, на судахъ Черноморскаго флота, на крейсерѣ „Память Азова“, въ Сибири. Рабочіе, у которыхъ свои личные экономическіе интересы отодвинулись на второй планъ, ознаменовали истекшій годъ цѣлымъ рядомъ массовыхъ политическихъ забастовокъ, останавливавшихъ всю жизнь страны на цѣлыя недѣли; такой же характеръ носили и неоднократныя забастовки почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Крестьянство въ свою очередь залило всю Россію пожаромъ аграрныхъ волненій, охватившихъ все Поволжье, Сѣверо-Западный и Юго-Западный край, губерніи Тамбовскую, Пензенскую, Курскую, Воронежскую, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую, Херсонскую и множество другихъ мѣстностей. Наконецъ, армія—этотъ оплотъ правительства въ борьбѣ его съ народомъ—откликнулась на происходившія событія такимъ дружнымъ протестомъ противъ правительственнаго террора, что, казалось, вся армія скоро перейдетъ на сторону революціи. Въ гарнизонахъ Петербурга, Москвы, всего варшавскаго военнаго округа, Севастополя, Ѳеодосіи, Курска, Тамбова, Воронежа, Кіева, Кронштадта, Владивостока, Читы, Екатеринодара, Елисаветполя, Новороссійска, Асхабада, Иркутска, Красноярска, Одессы, Ставрополя, Харькова, Симферополя, Выборга, Козлова, Оренбурга, Вильны, Петергофа, Колпина, Тифлиса, и т. д., и т. д., въ войскахъ саперныхъ, инженерныхъ, гвардейскихъ, казачьихъ, во флотскихъ экипажахъ—всюду поднялась такая высокая волна солдатскаго недовольства, что казалось—вотъ она захлестнетъ и унесетъ въ бурное море революціи всѣ россійскіе полки, батареи, эскадроны, сотни и экипажи. Въ солдатскомъ движеніи, съ каждымъ новымъ его моментомъ возраставшемъ не только въ ширь, но и въ глубь, все болѣе почетное мѣсто занимаютъ общенародныя политическія требованія и заявленія о нежеланіи нести полицейскую службу и участвовать въ кровавомъ подавленіи освободительнаго движенія.

Казалось бы, это всеобщее возмущеніе служило лучшимъ указаніемъ на недовольство населенія правительственной политикой и на необходимость удовлетворенія естественныхъ требованій народа объ исполненіи обѣщаній октябрьскаго манифеста. Но правительство, въ отвѣтъ на каждый

взрывъ народнаго негодованія, еще болѣе надавливало прессъ полицейскаго аппарата, кровь лилась еще сильнѣе.

Надежды на Государственную Думу нѣсколько ослабили напряженность этой борьбы. Хотя результаты выборовъ, указавшіе на то, что избиратели почти всею массою стали на сторону оппозиціи, и не заставили правительство ослабить репрессіи, но въ самомъ населеніи они породили надежду на скорое окончаніе борьбы въ пользу свободы. Никто не сомнѣвался, что народные представители заставятъ правительство подчиниться всенародной волѣ, что первый русскій парламентъ положитъ конецъ кровавой распрѣ.

Но вотъ насталъ давно жданный день, доставшійся Россіи цѣною такихъ жестокихъ страданій. Въ Бѣломъ домѣ Таврическаго дворца властно зазвучалъ голосъ народныхъ избранниковъ. Они призывали правительство къ отвѣту за всѣ его злодѣянія и потребовали амнистіи всѣмъ борцамъ за свободу, отмѣны смертной казни, земли для всего трудящагося народа и осуществленія всѣхъ вольностей, обѣщанныхъ 17 октября. Вся страна притаилась въ ожиданіи развязки великой драмы. Бюрократіи представлялся отличный случай если не реабилитировать себя въ глазахъ народа, такъ какъ нѣтъ и не могло быть оправданій ея преступленіямъ, то заставить забыть о своей кровавой роли въ протекшіе кошмарные дни. Для этого ей достаточно было очистить министерскія скамьи, уступить ихъ парламентскому правительству. И хотя трудно было залечить раны, нанесенныя организму Россіи дикимъ самовластіемъ бюрократіи, но обновленная страна нашла бы въ себѣ силы возродиться къ новой жизни, растворивъ и обезвредивъ въ своихъ здоровыхъ сокахъ все зло, причиненное ей ея мучителями...

Но этого не случилось. Живущая сегодняш-

нимъ днемъ бюрократія не хотѣла понять и оцѣнить великаго историческаго момента, переживавшагося страною. Она не только осталась у власти, но наотрѣзъ отказалась исполнить всѣ требованія, предъявленныя ей народными представителями. Дума окончательно порвала съ министерствомъ и вступила съ нимъ въ ожесточенную борьбу. Исходъ этой борьбы всѣмъ извѣстенъ. Хотя онъ показалъ всю нравственную силу народнаго представительства, но физическая сила все еще оставалась на сторонѣ бюрократіи. Смѣнившее кабинетъ Горемыкина министерство Столыпина смотритъ на задачи правительства въ революціонное время такъ же, какъ смотрѣли всѣ министерства, образованныя бюрократіей. Вмѣсто того, чтобы признать очевидный всѣмъ честнымъ людямъ фактъ недовольства всей страны бюрократическимъ управленіемъ и исполнить общее требованіе объ уступкѣ власти прогрессивнымъ элементамъ, г. Столыпинъ разсматриваетъ революцію и революціонныя организаціи, борющіяся за идею народоправства, какъ явленія самодовлѣющія, неимѣющія никакого отношенія къ вѣковому спору народа и бюрократіи. Жалуясь въ своей извѣстной „декларации“ 25 августа на революціонеровъ, „напрягающихъ всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работѣ правительства, разстроить его ряды и примѣненіемъ грубаго насилія прекратить всякую работу мысли и всякую возможность созидательной жизни государства“, г. Столыпинъ дѣлаетъ видъ, что ему совершенно неизвѣстно о томъ, что за революціей и оппозиціей (съ которою онъ также вступилъ въ борьбу) стоитъ почти весь народъ, а за нимъ и его министрами только тѣ, кому выгоденъ и пріятенъ тотъ режимъ гнета и насилія, защитникомъ котораго онъ является. Поэтому, вмѣсто того, чтобы честно отстраниться отъ этой вредной борьбы и

подчиниться народной волѣ, г. Столыпинъ выступаетъ съ кичливымъ заявленіемъ о своемъ намѣреніи „оградить порядокъ и рѣшительными мѣрами оградить населеніе отъ революціонныхъ проявленій“. Вся фальшь этой программы, вытекающая изъ фальшиваго положенія самого правительства, неугоднаго странѣ, обнаруживается на каждомъ шагу. Что сдѣлалъ г. Столыпинъ для огражденія порядка? Учредилъ военно-полевые суды. Но кромѣ пролитія крови нѣсколькихъ сотенъ молодыхъ жизней и усиленія безпорядка, эта мѣра ничего не дала: вооруженные грабежи и нападенія во всей Россіи не только не прекратились, но число ихъ увеличилось; за короткій срокъ съ 12 по 26 сентября было совершено однихъ только грабежей—88; въ Петербургѣ, почти незнавшемъ ни грабежей, ни нападеній въ духѣ максималистовъ и анархистовъ, послѣ закона о военно-полевыхъ судахъ эти проявленія сдѣлались настолько часты, что каждый день сталъ приносить по 4—5 такихъ случаевъ. Развѣ трагедій, разыгравшихся 14 октября у Фонарнаго пер., и въ концѣ декабря на Охтѣ—недостаточно для доказательства ложности пути, на который стало правительство? А что далъ г. Столыпинъ въ положительной части своей программы? Обѣщаніе осуществить реформы, обѣщанныя царскими манифестами. Но такія же торжественныя обѣщанія давали и предшественники г. Столыпина, а привело ли это къ осуществленію полностью хоть одного изъ нихъ? Какъ бы предвидя такой упрекъ, г. Столыпинъ тотчасъ же принялся осуществлять свою программу, издавъ нѣсколько законовъ по аграрному вопросу, но, кромѣ нарушенія основныхъ законовъ, весьма сомнительныхъ улучшеній въ положеніи небольшой части крестьянства въ отдаленномъ будущемъ и перспективы разоренія основной массы крестьянства, это узурпаторское

законодательство ничего не дало. Обѣщаніе свое „не стѣснять свободно высказываемаго общественнаго мнѣнія, будь то печатнымъ словомъ или путемъ общественныхъ собраній“, г. Столыпинъ осуществилъ весьма своеобразно: закрылъ большинство прогрессивныхъ газетъ, конфискуетъ журналы, разгоняетъ почти всѣ собранія и запретилъ съѣздъ даже такой умѣренной партіи, какъ партія народной свободы, чиновникамъ же, подъ страхомъ увольненія, запретилъ участіе во всѣхъ оппозиціонныхъ правительству партіяхъ. Еще лучше раскрываетъ истинныя намѣренія г. Столыпина недавній циркуляръ, разосланный имъ губернаторамъ *). „Дабы не препятствовать умиротворенію страны и спокойному ожиданію необходимыхъ реформъ“, министръ вн. дѣлъ предписываетъ губернскимъ властямъ „строго слѣдить за населеніемъ, не разрѣшать ни собраній, ни митинговъ, возбуждающихъ къ противозаконнымъ дѣяніямъ“. Дабы не мѣшать умиротворенію страны, предписывается стѣснять населеніе и мѣшать ему въ удовлетвореніи насущной потребности въ общеніи, ибо кто же, зная нашу администрацію, станетъ сомнѣваться въ томъ, что подъ предлогомъ препятствованія „противозаконнымъ дѣяніямъ“, будутъ запрещаться и впредь, какъ запрещались и разгонялись до сихъ поръ, самые мирные митинги и собранія. Въ числѣ мѣръ, предписывается, между прочимъ, „высылка изъ предѣловъ губерніи лицъ неблагонадежныхъ“; высылка профессоровъ Гредескула, Зубашева и Тираспольскаго можетъ служить яркою иллюстраціею того, какъ осуществляются и противъ кого направлены подобныя предписанія.

Словомъ, и по внутреннему смыслу, и по пріемамъ, дѣятельность министерства г. Столыпина

*) „Товарищъ“. 19 сентября 1906 г.

отличается отъ дѣятельности его предшественниковъ только особенною изобрѣтательностью въ изысканіи способовъ борьбы съ ненавидящею его страною. Отличившись изобрѣтеніемъ военно-полевыхъ судовъ для революціонеровъ, г. Столыпинъ для мирнаго населенія придумалъ цѣлую систему избирательныхъ притѣсненій, при помощи которыхъ онъ надѣялся не допустить наиболѣе прогрессивные элементы населенія къ избирательнымъ урнамъ. Не довольствуясь сенатскими „разъясненіями“, г. Столыпинъ пустилъ въ ходъ сложную машину воздѣйствія на избирателей. Тутъ была и инструкція для выборовъ, по которой свободный доступъ къ урнамъ имѣютъ только черносотенцы, и особый способъ составленія избирательныхъ списковъ, при которомъ „по ошибкѣ“ заносились въ качествѣ избирателей полицейскіе чины, шпіоны, покойники, безцензовые „молодцы“ и т. п., и произвольное перемѣщеніе прогрессивныхъ кандидатовъ въ черносотенные округа, и отказъ въ занесеніи въ списки цѣлыхъ категорій полноправныхъ квартиронанимателей, и застращиваніе избирателей, и изъятіе изъ обращенія наиболѣе вѣроятныхъ кандидатовъ въ выборщики, и т. д., и т. д.—правительство не гнушалось никакими средствами для того, чтобы фальсифицировать выборы и подмѣнить при ихъ помощи общественное мнѣніе.

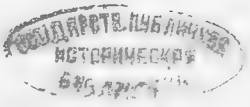
Оглядываясь на все пережитое и переживаемое нашей несчастной страной, неизбѣжно наталкиваешься на одинъ выводъ, одинаково характерный для всѣхъ эпохъ россійскаго самодержавія: пренебреженіе къ истиннымъ народнымъ нуждамъ, жестокость и самовластіе—вотъ программа бюрократіи, отъ которой она не можетъ отказаться, потому что въ этой программѣ заключается весь смыслъ ея существованія. Времена, однако, измѣнились: бюрократія изжила себя, какъ идею,—ей

нѣтъ мѣста въ сознаніи даже такого отсталаго народа, какъ русскій народъ. Но не совсѣмъ еще изжита та сила, на которую она опирается,—сила несознательности и неорганизованности народныхъ массъ.

Этой силѣ и должна объявить войну революціонная демократія. Если идея учредительнаго собранія не вполнѣ ясна крестьянскимъ массамъ, не могущимъ уловить ея конкретнаго смысла, то фактъ народнаго представительства, реально осуществленнаго въ Государственной Думѣ, былъ имъ не только вполнѣ понятенъ, но и желателенъ. Русскій парламентъ былъ такъ кратковременень, что истинное значеніе его для интересовъ страны могло проникнуть въ сознаніе не всей массы крестьянства, а лишь болѣе передовыхъ его слоевъ. Только этимъ можно объяснить то сравнительное спокойствіе, съ которымъ было принято извѣстіе о роспускѣ Думы. Но пока она жила и дѣйствовала — популярность ея росла, захватывая все болѣе широкіе круги народа. Поспѣшность, съ которою Дума была распущена правительствомъ, испугавшимся слишкомъ близкаго ея общенія съ трудовой Россіей, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. 72 дня существованія Думы сдѣлали для пропаганды идеи народнаго представительства больше, чѣмъ многіе годы пропаганды въ деревнѣ. Дума явилась, такимъ образомъ, этапнымъ пунктомъ въ движеніи идеи чистаго демократическаго народовластія, выраженнаго въ учредительномъ собраніи. Это обстоятельство дѣлаетъ совершенно ясною задачу революціонныхъ партій въ настоящее время—использовать вторую сессію Думы для дальнѣйшей пропаганды въ народѣ.

Раскрытіе передъ народомъ моральной подоплеки самодержавной бюрократіи—въ Думѣ, организація народныхъ массъ для борьбы съ нею—внѣ Думы—вотъ задачи, разрѣшеніе которыхъ передвинетъ

реальную силу на сторону революціонной демократіи и обезпечитъ ей побѣду. И до тѣхъ поръ, пока политическій индиферентизмъ однихъ и политическое невѣжество другихъ не уступятъ мѣсто отчетливому сознанію необходимости активной борьбы со все еще живущимъ у насъ абсолютизмомъ, гг. Дурново, Горемыкины, Столыпины будутъ безнаказанно сидѣть на тѣлѣ русскаго народа и точить его, пробираясь къ мозгу и сердцу.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Что было обѣщано 17 октября и какъ были осуществлены эти обѣщанія. „Неприкосновенность личности": погромы, разстрѣлы, карательныя экспедиціи; законодательная дѣятельность генералъ-губернаторовъ; поощреніе убійцъ; убійства и пытки въ тюрьмахъ; массовые аресты 1

II. „Свобода слова". Печать въ „дни свободы". „Свобода печати" въ прочіе дни. Временныя правила 24 ноября и мартирологъ печати 23

III. „Свобода собраній и союзовъ". „Свобода" почтово-телеграфнаго союза. „Свобода" Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. „Свобода профессіональныхъ союзовъ. Временныя правила 4 марта о союзахъ и закрытіе союзовъ. Временныя правила 4 марта о собраніяхъ и разгонъ собраній. „Свобода совѣсти" 32

IV. Какъ отразился манифестъ 17 октября на положеніи рабочаго класса. Графъ Витте и Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Избирательныя права рабочихъ. Законъ о „свободѣ" стачекъ, карающій стачки тюремнымъ заключеніемъ. Стачки и провокація. Расправы 41

V. Борьба за землю. Чего добивались крестьянство и лѣвыя партіи, чего хотѣла реакція и что дало правительство 54

VI. Судьба „незыблемаго правила" о томъ, „чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Система нарушенія основныхъ законовъ. Законодательство помимо Думы. Военно-полевая юстиція и ея плоды 66

VII. Итоги конституціи. Терроръ красный и терроръ черный. Возстанія и движеніе въ арміи. Борьба Г. Думы съ бюрократіей. Распущеніе Думы Эпоха кроваваго либерализма. Что дѣлать? 76

ORNL-Y 53867

Того же автора:

1) **„Очерки французской общественности“**. С.-Петербургъ, 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

2) **„Рабочіе союзы“**. С.-Петербургъ, 1905 г. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 50 к.

3) **„Образованіе рабочихъ въ Россіи“**. С.-Петербургъ, 1902 г. Изданіе редакціи журнала „Технич. Образованіе“ (распродано).

4) **„Народное образованіе въ С.-Петербургѣ“**. С.-Петербургъ, 1902 г. Изданіе редакціи журнала „Технич. Образованіе“. (распродано).

5) **Ю. Надеждинъ. „Курсы для рабочихъ и ремесленниковъ во Франціи“**. С.-Петербургъ, 1900 г. (распродано).

6) **„Съѣздъ начальниковъ промышл. училищъ“**. Спб. 1898 г. (распродано).

7) **Е. Дегравъ. „Семь лѣтъ каторги. Воспоминанія невинно-осужденнаго“**. Перев. съ франц. Ю. Н. Лавриновича. Москва, 1904 г. Изд. И. Д. Сытина. Ц. 1 р.

OUK-53862